

Г И Й О М
М Ю С С О

я не могу
без тебя

Ничего не бывает случайным.
И любовь уходит только для того,
чтобы вернуться и стать еще сильнее.

Поединок с судьбой

Гийом Мюссо

Я не могу без тебя

«ЭКСМО»

2009

Мюссо Г.

Я не могу без тебя / Г. Мюссо — «Эксмо», 2009 — (Поединок с судьбой)

ISBN 978-5-699-74454-1

Впервые на русском языке – бестселлер от Гийома Мюссо. «Я не могу без тебя» – история потери и обретения. Судьба порой играет с нами, отнимая то, что мы больше всего ценим. И только спустя годы мы понимаем, что потери нужны для того, чтобы больше ценить мгновения, проведенные с теми, кого мы любим. Когда-то давно полицейский Мартен Бомон был влюблен в девушку по имени Габриель. Но она исчезла из его жизни, и он был уверен, что навсегда. Теперь у него не осталось ничего, кроме работы. Мартен настоящий профи в своем деле, и найти дерзкого преступника Арчибальда Маклейна – для него дело чести. Изучая личное дело преступника, Мартен делает открытие, которое все меняет: у них с Маклейном много общего и прежде всего – отнятая любовь. Но самое главное – они любят одну и ту же женщину, только по-разному...

ISBN 978-5-699-74454-1

© Мюссо Г., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	6
1–	6
Часть первая	16
2–	16
3–	19
4 –	24
5 –	29
6–	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Гийом Мюссо

Я не могу без тебя

Эта история написана под впечатлением мучительного очарования той зимы...

Холодной рассудочности я всегда предпочитал безрассудную страсть.

Анатоль Франс

Guillaume Musso

QUE SERAIS-JE SANS TOI?

Copyright © XO Editions, 2009. All rights reserved.

© Шарикова Г., перевод на русский язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Нам всем оно знакомо...

*Одиночество, что иногда нападает и гложет нас изнутри.
Оно нарушает сон, а иногда может испортить нам хорошее утро.*

*Это – грусть первого школьного дня после каникул,
Когда он обнимается с самой красивой девочкой во дворе перед школой.
Это – аэропорт Орли или Западный вокзал, когда любви приходит конец.
Это – дитя, которое никогда не станет нашим общим ребенком.*

*Со мной такое бывало.
Однажды это может случиться и с вами.*

Но порой достаточно одной лишь встречи...

Пролог

1– Тем летом...

Первая любовь, она же всегда и последняя.
Тагар Бен Желлун

Сан-Франциско, Калифорния

Лето 1995 года

Габриель, 20 лет.

Она американка, студентка третьего курса университета в Беркли.

Этим летом часто ходит в светлых джинсах, белой рубашке и кожаной приталенной курточке. Длинные прямые волосы, зеленые глаза с золотистыми искорками. Она напоминает Франсуазу Арди с фотографии Жана-Мари Перье, сделанной в 60-х годах.

В те времена Габриель проводит дни то в библиотеке университетского кампуса, то в казармах на Калифорния-стрит, где служит волонтером в пожарной охране. Этим летом ее ожидает первая настоящая любовь.

Мартен, 21 год.

Француз, недавно окончил Сорбонну и получил диплом по праву.

Этим летом в одиночку отправился в Америку, чтобы познакомиться со страной и довести до совершенства свой английский. В кармане у него ни цента, он соглашается на любую работу, вкалывая по семьдесят часов в неделю официантом, продавцом мороженого, садовником...

Этим летом его выющиеся черные волосы до плеч придают Мартену сходство с молодым Аль-Пачино.

Тем летом ему предстоит пережить свою последнюю настоящую любовь.

Кафетерий в университетском городке в Беркли

– Эй, Габриель, тебе письмо!

Сидящая за столиком девушка поднимает голову.

– Что?

– Тебе письмо, красотка! – объясняет Карлито, управляющий заведением, и кладет конверт нежно-кремового цвета рядом с чашкой чая.

Габриель нахмурилась:

– Письмо? От кого?

– От Мартена, молодого французика. Он уже уволился, но утром специально зашел, чтобы оставить это для тебя.

Габриель смотрит на конверт и засовывает его в карман, перед тем как уйти из кафе.

Огромное здание университетского кампуса с башенкой на крыше утопает в зелени, купаясь в атмосфере жаркого летнего дня. Габриель долго идет по парку вдоль одной аллеи, потом по другой, прежде чем ей удастся найти пустую скамейку. Укрывшись в тени столетних деревьев, она открывает конверт и достает письмо, обуреваемая одновременно и любопытством, и дурными предчувствиями.

26 августа 1995 г.

Дорогая Габриель!

Хочу сказать тебе, что завтра возвращаюсь во Францию.

Ничто из моего пребывания в Калифорнии не стоит тех нескольких мгновений, что мы провели вместе в кафе, болтая о книгах, о кино, о музыке и о том, как сделать мир лучше. Как часто я представлял себя персонажем какого-нибудь фильма. Потому что в кино или в романе герой, не такой неуклюжий, как я, сумел бы объяснить героине, что она ему действительно нравится, ему с ней безумно интересно и, глядя на нее, он испытывает особое чувство. Нежность и необъяснимую грусть. Волнующее ощущение душевной близости и удивительной гармонии. Нечто настолько редкое и необычное, что он никогда раньше не испытывал и даже не думал, что такое бывает.

Однажды, когда дождь внезапно нас застиг в парке, и мы нашли укрытие под козырьком у входа в институтскую библиотеку, я почувствовал, как и ты, наверное, смятение и взаимное притяжение. Тогда оно смутило нас обоих.

В тот день мы чуть было не поцеловались. Но я не осмелился сделать шаг навстречу, поскольку вспомнил о том парне. Помнишь, ты мне рассказывала о нем? Ты познакомилась с ним в Европе на каникулах и с тех пор дала себе слово хранить ему верность. Я не хотел выглядеть в твоих глазах обычным типом «как и все остальные», которые кадрируются к девушкам просто так, от нечего делать, без чувств и должного уважения.

Однако я уверен, что если бы мы тогда поцеловались, все было бы хорошо! Не важно, какая была погода, дождь или яркое солнце, главное, что я был в тебе уверен, а остальное не имело значения. Я знаю, что потом долгое время этот поцелуй сопровождал бы меня повсюду, как луч солнца, как светлое воспоминание, за которое можно уцепиться в минуты мрачного одиночества. Но многие считают, что самые прекрасные истории любви не могут длиться долго. Если это действительно так, то пламенные поцелуи – те, которые не состоялись...

Я смотрю на тебя, и со мной происходит то же, что в кино, когда из двадцати четырех кадров в секунду первые двадцать три – лучезарные, светлые, радостные, а двадцать четвертый преисполнен томящей грусти, и это никак не вяжется с лучистым сиянием, льющимся из тебя. Это мгновение двадцать четвертого кадра успеваешь уловить лишь на уровне подсознания, как трещинку на стекле, которую замечаешь, когда на нее падает свет. Эта щербинка говорит о тебе больше, чем полный перечень твоих достоинств и талантов. Много раз я спрашивал себя, что заставляет тебя грустить? Много раз надеялся, что ты сама расскажешь мне об этом, но ты этого так и не сделала.

Я хочу, чтобы ты берегла себя. Не позволяй меланхолии поселиться в твоей душе, не дай двадцать четвертому кадру одержать победу. Не демоны должны торжествовать, а ангелы. Пусть так и будет!

Хочу, чтобы ты знала: я тоже считаю, что ты – замечательная девушка. Тебе об этом напоминают сто раз в день, и я такой же, как и все остальные.

Я никогда не забуду тебя.

Мартен.

Габриель отрывает глаза от письма и поднимает голову. Ее сердце часто колотится в груди: такого она не ожидала.

С первых строчек Габриель поняла, что это не простое письмо. Их знакомство – особый случай, но она не готова была смотреть на него под таким углом зрения. Габриель оглядывается, чтобы удостовериться, что никого нет рядом. Она боится, что лицо выдаст ее эмоции. Чувствуя, что слезы подступают к глазам, она принимает решение уехать из кампуса и спускается в метро, чтобы отправиться в центр Сан-Франциско. Сначала хочет подольше побыть в библиотеке, но быстро понимает, что в подобном состоянии просто не может работать.

Сидя в вагоне поезда у окна, Габриель прислушивается к себе, переживая еще раз удивление, которое испытала, получив письмо, и мучительное наслаждение, растревожившее душу, пока она его читала. Не каждый день она получает подобные послания. И уж тем более не каждый день кого-то интересует ее индивидуальность гораздо больше, чем все остальное.

Все считают Габриель сильной личностью, общительной и вполне социально устойчивой, а на самом деле она – девушка хрупкая и запутавшаяся в своих противоречивых переживаниях. Молодые люди, с которыми она общается много лет, никогда не обращают внимания на ее душевные страдания, а вот он всего-то за несколько недель знакомства сумел увидеть тайну в ее душе и даже о чем-то догадался.

Тем летом калифорнийский берег просто плавился от жары, солнце не пощадило и Сан-Франциско, несмотря на его особый микроклимат. Пассажиры в метро, казалось, оцепенели и двигались очень медленно, будто пьяные от жары. Но Габриель была далека от действительности, она вдруг ощутила, что погрузилась в Средневековье и почувствовала себя дамой рыцарской эпохи. Той самой эпохи, когда только наметились контуры отношений, которые позже назовут куртуазной любовью. Великий Кретьен де Труа отправил ей послание и намеревался превратить дружеские отношения...

Она перечитывала письмо, ощущая и благодать в душе, и боль.

Нет, Мартен Бомон, ты совсем не такой, как все...

Она опять читает эти строчки и то возносится на седьмое небо, то падает в бездну отчаяния, испытывая странное смятение – настолько странное, что даже пропускает свою остановку. Ну вот, теперь придется опять потолкаться в духоте, чтобы вернуться наконец к себе домой.

Браво, героиня, *well done!*

На следующий день

9 часов утра

Аэропорт в Сан-Франциско

Капает дождь.

Еще не до конца проснувшись, Мартен с усилием подавляет желание зевнуть во весь рот и, чтобы не упасть, цепляется за перила в автобусе, когда его немного заносит на повороте.

На нем куртка из молескина¹, дырявые джинсы, истоптанные кроссовки и старая майка с изображением какой-то рок-группы, кажется, с Куртом Кобейном, кумиром молодежи тем летом.

Голова переполнена воспоминаниями о двух месяцах, что он провел в Соединенных Штатах. Перед глазами мелькают лица, сцены, в сердце звучат отголоски пережитого. Калифорния отдалила его от Эври, от парижского предместья. В начале лета Мартен собирался подать документы на конкурс в полицию, но после кочевой жизни вечного странника его планы изменились. В стране, где жизнь сурова, как, впрочем, и повсюду, но где люди не теряют надежды, что их мечты могут осуществиться, в его душе проснулся бродяга-мечтатель из захолустного городка.

Мечта заключалась в том, чтобы сочинять рассказы: описывать истории, которые могут произойти с каждым, – про обыкновенных людей, попадающих в необыкновенные ситуации. Потому что Мартен скучал от банальной реальности, и рядом с ним всегда присутствовало нечто необычное, феерическое. С малых лет любимые герои часто избавляли его от страданий, утешали, спасали от разочарований. Они питали воображение Мартена и обостряли чувства настолько, что научили наконец видеть жизнь под таким углом зрения, что она становилась более-менее сносной.

---

¹ Плотная хлопчатобумажная ткань особой выделки, под кожу. – *Прим. пер.*

Рейсовый автобус от Пауэлл-стрит до аэропорта высаживает пассажиров около терминала международных рейсов. Мартен достает свою гитару с багажной полки и выходит последним, нагруженный вещами, как выючный осел. Проверив в кармане, на месте ли билеты, он вздыхает и оглядывается, пытаясь сориентироваться в бестолковой суете аэровокзала.

Он не сразу замечает ее.

Габриель остановила машину во втором ряду и даже не заглушила мотор. Она промокла под дождем. Замерзла и дрожит. Они узнают друг друга. Они устремляются навстречу друг другу. Обнимаются крепко-крепко, и их сердца бьются так часто, словно это случилось у них в первый раз и они пока еще верят в лучшее.

Потом Габриель улыбнулась и лукаво спрашивает его:

– Ну что, Мартен Бомон, ты действительно думаешь, что самый пламенный поцелуй – тот, что не состоялся?

Они опять обнимаются, их губы встречаются, дыхание соединяется, мокрые волосы переплетаются. Мартен прижимает к себе ее голову, она гладит его по щеке. Второпях они лепечут какие-то неловкие слова любви.

Она просит:

– Не уезжай! Побудь еще!

Не уезжай!

Тогда он не знал, но ничего лучше этой минуты в его жизни больше не будет. Ничего более чистого, светлого, радостного, чем сияющие зеленые глаза Габриель, блестящие от дождя в то утро, тем летом.

И ее умоляющий голос: «Не уезжай!»

Сан-Франциско

28 августа – 7 сентября 1995

Доплатив сто долларов, Мартену удалось отложить дату отъезда. Этой суммы хватило на то, чтобы остаться в Штатах на десять дней. Десять дней, ставших самыми главными в его жизни.

Они любят друг друга: в книжных лавках на улицах Беркли, где до сих пор витает богемный дух; в кинотеатре на Рид-стрит, где смотрят фильм «Покидая Лас-Вегас», но не находят в нем ничего примечательного, настолько они поглощены поцелуями и ласками; в маленьком ресторанчике перед огромным гамбургером с ананасами по-гавайски и бутылкой «Сонома».

Они любят друг друга. Дурачатся, как сумасшедшие, веселятся, как дети, бегая по пляжу, крепко держась за руки.

Они любят друг друга.

В комнате в общежитии Мартен исполняет для Габриель на гитаре песню Жака Бреля «La valse a mille temps» в оригинальной версии. Она танцует для него, сначала вяло, словно нехотя, потом быстрее, кружась в вихре вальса, простирая руки, раскрыв ладони навстречу солнцу, как вертящийся дервиш. Он откладывает гитару в сторону, чтобы вместе с Габриель погрузиться в транс. Они кружатся, обнявшись, пока не падают на пол и... опять любят друг друга.

Они раскачиваются на волнах, летают под облаками, они – бог, и они – ангелы, они одни во вселенной. Мир вокруг них расплывается, приобретая смутные очертания, он нужен лишь для того, чтобы, как в театре, играть роль простой декорации на сцене, где главные действующие лица только они вдвоем.

Они любят друг друга.

Любовь опьяняет их, они пропитаны ею насквозь, до последней клеточки. Им безразлично, сколько она сможет продлиться – мгновение или целую вечность.

Но их повсюду сопровождает страх. Страх, что им не хватит времени. Страх, что вдруг может закончиться кислород и станет нечем дышать. Чувство настолько острое, насколько и необъяснимое. Подобное возникает после внезапного разряда молнии и раскатов грома.

Но ведь это так здорово – сильный грозовой дождь весной!

И они все равно наслаждаются любовью.

Она любит его – глубокой ночью в своей машине, припаркованной в злачном квартале, в самом криминальном районе города. Из авторадия, дребезжа, доносятся песенки и уличный рэп.

Чувство опасности действует как наркотик. Видеть, как чье-то тело трепещет рядом с тобой на фоне мигающего света фар, – это захватывает и волнует. Угроза, что могут напасть бандиты или застать врасплох полицейские, возбуждает и придает остроты ощущениям.

Это вам не «букетики роз» или любовь в виде «милых любовных записочек». Это любовь как «каленное железо», ее не дарят, а вырывают с мясом. В ту ночь между ними как молния промелькнула искра, как наркотический флэш, как острое наслаждение после укола, как галлюцинация наркомана. Габриель самой хочется показать Мартену другую сторону медали, эту картинку, которая пряталась за романтическим флером, ту самую трещинку на стекле, щербинку двадцать четвертого кадра. Ей важно знать, готов ли он вслед за ней ступить на коварную почву или бросит ее одну.

В ту ночь она была ему не возлюбленной, она была его страстной любовницей. «Потому что ночь принадлежит влюбленным, потому что ночь принадлежит нам».

Он тоже любит ее – со всей нежностью, на какую только способен, – ранним утром на берегу океана. Габриель так и заснула на его курточке из молескина. Мартен кладет голову ей на живот.

Двое влюбленных, укутанных нежным ветерком на рассвете под светлым розовым покрывалом калифорнийского неба. Их утомленные тела, распростертые на песке, биение их сердец, скованных одной цепью. А радиоприемник тихонько мурлычет им какую-то старинную балладу.

8 сентября 1995 года

9 часов утра

Аэропорт Сан-Франциско

Сон закончился.

И вот они уже в аэропорту, в толпе, среди шума снующих людей с чемоданами, рюкзаками и сумками.

Реальность заслонила собой романтику и отодвинула их свидания в призрачный мир любви вне времени и вне пространства.

Это жестоко. Это больно.

Мартен пытается поймать взгляд Габриель. Утром золотые искорки исчезли из ее глаз. Теперь они оба даже не знают, что сказать. Просто стоят, вцепившись друг в друга, и тихо угасают, пытаясь почерпнуть у другого силы, которых так не хватает самому. Габриель давно поняла условия игры и оказалась более проницательна, чем Мартен. Она-то знала: эти счастливые дни выкрала у судьбы, а он надеялся, что они будут длиться вечно.

Она опять замерзла. Тогда он снимает курточку из молескина и накидывает ей на плечи. Конечно, поначалу Габриель отказывается, но он настаивает, потому что она дрожит. Габриель снимает с шеи серебряную цепочку с кулоном в виде созвездия Южного Креста и вкладывает ему в ладонь.

Последнее объявление о посадке. Миг расставания наступил. В тысячный раз Мартен спрашивает:

– Этот твой приятель из Европы, с которым ты познакомилась на каникулах, ты все еще его любишь?

В тысячный раз Габриель прикладывает палец к его губам и отводит взгляд.

Ну вот, они отодвигаются друг от друга, и пропасть между ними сразу становится все шире.

Он пятится к дверям в зону вылета, не отрывая от Габриель глаз.

9 сентября

Париж

Аэропорт Шарля де Голля

После двух пересадок и бесконечных задержек рейса ближе к вечеру самолет наконец приземляется в Руасси. В Сан-Франциско пока лето, а в Париже уже наступила осень. Небо затянуто темными тучами, мрачное, грязно-серое.

С красными от бессонницы глазами Мартен ждет свой багаж. По телевизору на большом экране блондинка с силиконовым бюстом горланит противным голосом «Господь Бог подарил мне удачу». Этим утром он улетел из Америки Клинтона, а вечером оказался во Франции Жака Ширака. Как же он ненавидит эту страну! Ненавидит только за то, что здесь нет Габриель.

Мартен забирает с транспортной ленты свой чемодан и гитару. Еще немного времени, и его путешествие подойдет к концу: сначала на метро до Шателэ-лез-Аль, потом электричкой в направлении Корбей-Эсонн до Эври, потом автобусом до городишка Пирамиды. Он бы хотел отгородиться от мира с помощью музыки, но батарейки плеера сели. Мартен выбит из колеи, подавлен, будто прямо в сердце впрыснули яд. Он не сразу понимает, что по щекам текут слезы и местные придурки смотрят на него, ухмыляясь. Мартен старается успокоиться. В Эври не принято показывать, что тебе плохо. В автобусе по дороге в свои Пирамиды он смотрит в окно. Внезапно Мартен понимает, что в эту ночь будет спать без Габриель, один. И слезы опять льются из глаз.

Полночь

Мартен выходит из своей комнатухи в квартире для малоимущих, где живет у бабушки с дедушкой. Лифт не работает. Пешком с девятого этажа. Почтовый ящик сломан. На лестничной клетке грязно. Здесь все по-прежнему, ничего не меняется.

В ближайшей телефонной кабинке аппарат разбит вдребезги. Полчаса он ищет работающий автомат, вставляет в щель карточку на пятьдесят единиц и набирает номер.

За двенадцать тысяч километров отсюда, через Атлантику, в далеком Сан-Франциско еще день, половина первого. Телефонный звонок раздался в кафетерии в кампусе в Беркли.

49, 48, 47...

В горле застрял комок, но Мартен, закрыв глаза, произнес:

– Это я, Габриель. Вот видишь, я пунктуален. Мы всегда встречаемся в полдень.

Она рассмеялась, потому что удивилась и очень обрадовалась. А потом разрыдалась, потому что так мучительно находиться в разлуке.

...38, 37, 36...

Он говорит ей, что ему безумно ее не хватает, он ее очень любит, он даже не знает, как дальше жить без нее...

Она говорит ему, как ей хочется очутиться рядом с ним, прижаться к нему, заснуть рядом с ним, обнимать, целовать, ласкать его, укусить и до смерти замучить любовью.

...25, 24, 23...

Мартен вслушивается в ее голос, и перед глазами возникают прилипшие к коже Габриель песчинки, запах мокрого песка на пляже, соленый ветер, спутавший ее волосы, ее бесконечные «обнимаю тебя» и «я целую тебя крепко-крепко», ее рука обвивается вокруг его шеи, ее глаза смотрят прямо ему в душу, ее обжигающая страсть и нежность их объятий.

...20, 19, 18...

Он с ужасом смотрит на жидкокристаллический экран на телефонном аппарате в кабинке. Боже, какое мучение видеть, как быстро тают единицы, утекая одна за другой.

...11, 10, 9...

В конце они уже молчат, просто слушают, как стучат их сердца, исполняя общий концерт, и сливается в едином звучании их прерывистое дыхание, назло этому чертову телефону.

...3, 2, 1, 0...

В те времена еще не изобрели скайп, люди не могли пользоваться электронной почтой. Любовные письма переплывали океан, им нужно было потратить дней десять, чтобы из Франции достичь Калифорнии.

В те времена, если вы писали «я люблю тебя», приходилось три недели ждать ответа. Представляете, что это такое, целых три недели ждать «я тоже люблю тебя»?

Это выше человеческих сил, если вам двадцать лет.

Письма от Габриель приходят все реже и реже, потом и вовсе перестают приходить.

И на звонки она не отвечает, ни в кафетерии, ни в своей комнате в общежитии. Все чаще к телефону вместо нее подходит соседка по комнате и спрашивает, что передать.

Однажды ночью Мартен в отчаянии оторвал телефонную трубку с проводом от аппарата и вдребезги разбил ею стекла в телефонной кабинке. Измученный тоской, он делает то, что раньше всегда порицал у других. Он сам постепенно становится таким же, как те, кого он прежде ненавидел: он портит общественное имущество, пьет пиво, много курит. Ему просто стало на все наплевать: и на счастье, и на беду, и на вчерашний день, и на завтрашний, на жизнь вообще, на себя, на все на свете...

Пребывая в отчаянии, Мартен жалеет теперь лишь об одном: зачем он встретил любовь. Зачем? Из-за этого он теперь не знает, как дальше жить. Каждый день убеждает себя, что завтра все изменится к лучшему, время залечит сердечные раны. Но наступает завтра, а он еще больше погружается в отчаяние.

Впрочем, приходит день, и он все-таки находит в себе силы, решив вернуть Габриель, а для этого надо отдать ей себя целиком, подарить ей свое сердце. Мартен погружается в работу. Странно, но в этом находит выход из положения, возвращается на факультет, устраивается разнорабочим в магазин «Перекресток» в Эври, подрабатывает по ночам охранником на автостоянке. Он становится скрягой и экономит каждое су, откладывая деньги на поездку в Штаты.

Вот тут-то ему и пригодился бы старший брат, или родители, или просто хороший приятель, ну хоть кто-нибудь рядом, чтобы дать дельный совет: нельзя ни в коем случае дарить все свое сердце. Если так поступишь, то никогда не полюбишь другую, а это рискованно. Но никого рядом не оказалось, впрочем, Мартен все равно не стал бы никого слушать, кроме, разумеется, своего дурацкого сердца.

10 декабря 1995 г.

Любовь моя, Габриель!

Позволь мне еще раз тебя так назвать, пусть даже в последний раз.

Поверь, я не строю иллюзий, я чувствую, что ты меня избегаешь.

Но разлука только обострила мои чувства к тебе, и я хочу надеяться, что тебе меня тоже чуточку не хватает.

А я – здесь, Габриель, рядом с тобой. Даже ближе, чем когда-либо.

Мы с тобой сейчас как два человека, которые, находясь на противоположных берегах реки, обмениваются друг с другом знаками. Иногда эти знаки встречаются на мгновение в середине реки, на мосту, прячась от злых ветров, а потом каждый спешит на свой берег в надежде, что при следующей встрече удастся задержаться подольше. Стоит мне закрыть глаза, как я представляю нас с тобой через десять лет. Возникают картинки счастья, и оно не кажется мне несбыточным: светит солнце, звучит детский смех, супруги смотрят друг на друга влюбленными глазами, столько лет прошло, а они продолжают любить.

Я не хочу упускать свой шанс. Я здесь, Габриель, на противоположном берегу реки. Я тебя жду.

Со стороны кажется, будто мост, разделяющий нас, не в очень хорошем состоянии, но это не так, Габриель. Это вполне прочный мост, он сделан из толстых бревен и выдержал за свою жизнь немало ураганов.

Я понимаю, что тебе страшно, ты боишься ступить на него. Может, так никогда и не решишься. Но все-таки позволь мне надеяться. Я не прошу у тебя обещаний, мне не нужен срочный ответ и тем более клятва. Мне нужен только знак от тебя. Простой знак, и тебе легко послать его мне. В конверте вместе с письмом ты найдешь новогодний подарок. Непростой подарок. Это – билет до Нью-Йорка на 24 декабря. В этот день я буду на Манхэттене и стану ждать тебя в кафе «Де Лало» у Эмпайр-стейт-билдинг. Приходи, если веришь, что у нас может быть общее будущее...

Целую тебя, Мартен.

24 декабря 1995 года

Нью-Йорк

9 часов утра

Свежий снег поскрипывает под ногами Мартена. Жуткий холод, зато небо чистое и прозрачно-голубое. Ветер холодный, но не сильный, гоняет в воздухе крупные снежинки. Жители Нью-Йорка с энтузиазмом очищают тротуары от снега, заряжаясь хорошим настроением от пред рождественской суеты, под музыку, звучащую из каждого магазинчика.

Мартен открывает дверь кафе, снимает перчатки, шапку и шарф, энергично растирает ладони, чтобы согреться. Он не спал уже двое суток и ощущает лихорадочное возбуждение, словно от инъекции кофеина.

В кафе тепло и уютно, все пропитано атмосферой веселого праздника, с потолка свешиваются гирлянды, на стенах и стойке – игрушки в виде ангелов из карамели и снеговиков из сдобного теста. В воздухе витает запах корицы и кардамона, к ним примешивается аромат кексов с банановой начинкой. По радио звучит обычный рождественский набор вперемежку с современной поп-музыкой. В те годы все с ума сходят по группе «Оазис».

Мартен заказывает себе горячий шоколад, посыпанный сверху маленькими маршмаллоу, а потом садится за столик у окна.

Габриель придет, он уверен.

В 10 часов он опять проверяет время, которое списал с билета, отправленного Габриель.

Вылет	–	23 декабря	22 час 55 мин	–	Сан-Франциско
Прилет	–	24 декабря	07 час 15 мин	–	Нью-Йорк

Пока волноваться не о чем: в непогоду самолеты иногда опаздывают. На улице много людей, словно армия мира, вооруженная вместо винтовок пластиковыми стаканчиками с крышечками.

В 11 часов Мартен полистал «Ю-Эс-Эй тудей», оставленную на столике кем-то из посетителей. Там все еще обсуждали освобождение в зале суда О. Ж. Симпсона, резкий обвал на биржах и, самое главное, последний телесериал, взбудораживший всю Америку. В ту зиму Билл Клитон еще не встречался с Моникой, он пламенно выступал в конгрессе, отстаивая свою социальную программу.

Габриель придет.

В полдень Мартен надевает наушники. Глаза заволокло туманом, он прогуливается вместе с Брюсом Спрингстином по улицам Филадельфии.

Она придет.

В час он покупает хот-дог у разносчика. Расплачиваясь, он не отрывает взгляда от входной двери. А вдруг...

Она вот-вот придет.

В два часа он открывает роман «Похититель сердец», который купил в аэропорту. Проходит еще час. Мартен прочитал три страницы...

Она придет, точно!

В четыре часа он достает «Тетрис» и за десять минут проигрывает пять партий подряд...

Может, она все-таки придет?

В пять часов официанты в кафе начинают смотреть на него с усмешкой.

Два к одному, что она придет.

В шесть часов вечера заведение закрывается. Мартен – последний клиент, и его просят уйти. Но и оказавшись на улице, он все еще верит.

А вдруг...

Сан-Франциско

3 часа дня

Габриель идет по песку к океану. Сердце сжалось в комок и почти не бьется. Погода отражает ее состояние: мост Золотые Ворота едва различим в тумане, на противоположной стороне темно-серые тучи лежат на острове Алькатрас, ветер на пляже валит с ног. Чтобы не замерзнуть, она укуталась в курточку из молескина, которую оставил ей Мартен.

Останавливается, садится на песок, поджав под себя ноги, и достает из сумочки пакет с письмами от Мартена. Перебирает их, разворачивает, перечитывает. «Как только я вспоминаю тебя, мое сердце начинает стучать быстрее. Я мечтаю, чтобы ты была рядом. Мне бы хотелось закрыть глаза, а потом открыть – и увидеть тебя». Габриель достает из конверта подарочки, которые Мартен присылал в каждом письме: клевер с четырьмя листиками, засушенный эдельвейс, старая черно-белая фотография Жана Себерга и Бельмондо из фильма «На последнем дыхании».

Она чувствует, что между ними происходит нечто странное. Такая тесная связь, какой в жизни может больше не встретиться. Она представляет, как Мартен сидит в Нью-Йорке в кафе, где он назначил ей встречу, и ждет ее. Габриель плачет.

В Нью-Йорке кафе уже закрылось, а Мартен все еще не уходит, стоит на месте, окочевевший от холода. В эту минуту он даже и не догадывается о настоящих чувствах Габриель. Не знает, насколько ей было с ним хорошо, как она нуждалась в нем, насколько она была одинока и потеряна до него и как мучилась. Он не знает, что помог Габриель в трудную минуту жизни не оступиться, не пропасть...

На безлюдном пляже в Сан-Франциско начинается дождь, настоящий морской шторм. Со стороны океана доносятся мрачные раскаты грома, они вибрируют в унисон с накатившей волной и постепенно стихают в расщелинах прибрежных скал.

Габриель встает, направляется в сторону фуникулера, чтобы подняться по крутому склону вдоль Филлимор-стрит. Садится в кабинку, выходит на остановке возле собора и оказывается в городской больнице Ленокс. Кутаясь в курточку из молескина, проходит одну за другой раздвижные двери. В приемном покое, несмотря на развешенные по стенам праздничные гирлянды, безрадостно и тоскливо.

Рядом с кофе-автоматом стоит доктор Элиот Купер. Он смотрит ей в лицо, видит припухшие веки и понимает, что она плакала.

- Привет, Габриель, – говорит доктор, стараясь ободрить ее приветливой улыбкой.
- Здравствуйте.

Мартен ждал Габриель до одиннадцати часов, один, ночью, на морозе, на ледяном ветру. Теперь его сердце превратилось в лед. И еще ему стыдно. Стыдно оттого, что он ринулся в бой один, без оружия, с открытым забралом, наивно и глупо, с дурацким юношеским энтузиазмом.

Он все поставил на карту – и проигрался вчистую.

Мартен бредет по улицам, еле волоча ноги: Сорок вторая улица, бары, рестораны, дурные знакомства, спиртные напитки. В ту зиму Нью-Йорк был еще настоящим Нью-Йорком. Уже не такой, конечно, как при Энди Уорхоле, но не настолько стерильный, как позднее. Этот Нью-Йорк был очень опасным городом, особенно для тех, кто решил дать волю своим страстям.

В ту ночь в глазах Мартена впервые появляется жесткость и мрачный блеск.

Он никогда не будет писателем.

Он станет полицейским, сыщиком.

В ту ночь Мартен не просто потерял любовь.

Он утратил надежду.

Эта история о том, как иногда случается в жизни. История о мужчине и женщине, которые долго идут навстречу друг другу.

Все началось с первого поцелуя под дождем, теплым летним утром, в аэропорту, под небом Сан-Франциско. Все чуть было не закончилось в холодную рождественскую ночь в каком-то баре в центре Нью-Йорка и в калифорнийской больнице в пригороде Сан-Франциско.

Потом прошли годы...

Часть первая

Под небом Парижа

2– Великий вор

Бывает, что одним людям человек нравится по каким-то причинам, а другие за то же самое его ненавидят.

Рассел Бэнкс

Париж, левый берег Сены

29 июля

3 часа ночи

Париж растворился в прохладе светлой ночи середины лета. По крыше музея Орсэ, прячась за колоннами, пробиралась украдкой чья-то тень, стараясь избегать мест, освещенных лунным светом. Арчибальд Маклейн в облегающем темном комбинезоне привязал хитрым узлом веревку к страховочному поясу, стянутому у него на талии, поправил шерстяную черную шапочку, надвинутую на глаза. Только они и выдавали его присутствие, поблескивая в темноте на фоне измазанного черной ваксой лица. Грабитель застегнул «молнию» на рюкзаке и посмотрел вниз, на город, распростертый у его ног. С крыши знаменитого музея открывался впечатляющий вид на шедевры архитектуры правого берега: огромный величественный Лувр с многочисленными скульптурами и колоннами вдоль дворцовых стен, воздушный купол базилики Сакре-Кёр, роскошный дворец Гран-Пале, большое извилистое кольцо садов Тюильри и зеленый с золотым орнаментом свод Опера-Гарнье. Ночью столица утрачивает временные ориентиры и кажется сказочной, феерической. Этот Париж походил на средневековый город, рожденный воображением Арсена Люпена, Париж эпохи «Призрака Оперы».

Арчибальд натянул перчатки со специальным покрытием против скольжения, как у альпинистов, расслабил мышцы и сбросил веревку вдоль каменной стены. На сей раз игра обещала быть непростой и рискованной. Но это только добавляло ей прелести.

Полицейский

– Да он с ума сошел!

Прячась в машине, капитан полиции Мартен Бомон в бинокль наблюдал из засады за тем, за кем вот уже три года ходил буквально по пятам. Это был самый знаменитый похититель картин в современной истории – Арчибальд Маклейн.

Нервы молодого сыщика были напряжены до предела. Этой ночью он собирался арестовать злостного, выдающегося преступника, такая удача может выпасть на долю полицейского только раз в жизни. Как же он ждал этого момента, тысячу раз проигрывая в уме сцену задержания. Как бы ему сейчас завидовал весь Интерпол, не говоря уж о частных детективах, нанятых миллионерами, которых Арчибальд в свое время ограбил.

Мартен отрегулировал бинокль, чтобы четче видеть картинку, и напряг зрение, вглядываясь в темноту. Наконец тень Арчибальда попала в поле, освещенное лунным светом. Мартен, чувствуя, как колотится в груди сердце, наблюдал, как вор спустил веревку с крыши и заскользил по ней вниз, вдоль каменной стены здания, по направлению к одному из двух громадных циферблатов, обращенных в сторону Сены. На мгновение полицейскому показалось, будто он различает черты лица своей жертвы. Однако Арчибальд был слишком далеко и спускался по

веревке к нему спиной. К тому же не следовало и рассчитывать на подобную удачу, ведь за двадцать пять лет его воровской карьеры ни одному полицейскому так и не довелось видеть Арчибальда Маклейна в лицо...

Арчибальд замер на фоне стеклянного циферблата часов, излучавших слабое свечение. Перед этой машиной, семи метров в диаметре, трудно было не чувствовать гнет быстротечного времени. Понимая, что в любой момент его могут заметить со стороны, он все равно обернулся и посмотрел вниз. На набережной все было спокойно, хоть и не безлюдно: проезжали такси, прогуливались ночные прохожие, кто-то просто бродил по ночным улицам, кто-то спешил домой.

Не торопясь, но и не делая лишних движений, грабитель уперся ногой в каменный выступ, опоясывающий часы по периметру, отстегнул от пояса стеклорез с алмазным накопчиком. Быстро и уверенно он нарисовал на стекле циферблата круг внутри цифры шесть, по контуру латунной арматуры, которая ее опоясывала. Как он и предполагал, алмаз поцарапал стекло, повторяя круг шестерки. Арчибальд прикрепил в центр окружности пневматическую присоску с тремя насадками. Потом взял в руки алюминиевый цилиндр, по длине и по форме похожий на рукоятку карманного фонарика, и ловко и уверенно прокатал несколько раз поверх линии на стекле, оставленной алмазным резцом. Воспользовавшись настоящим лазерным лучом, Арчибальд провел по наметившемуся контуру, что позволило ему сделать надрез тонкий и глубокий. Трещина распространилась вглубь по намеченному царапиной следу. Как только стекло стало поддаваться, Арчибальд надавил на ручку присоски. От одного прикосновения массивный кусок стекла свободно отошел, без треска, как по маслу, и плавно лег на пол с внутренней стороны, за циферблатом, освободив ему, таким образом, круглый проход с острым, как у гильотины, краем. С ловкостью акробата Арчибальд проскользнул внутрь через отверстие, открывшее ему доступ в один из прекраснейших музеев мира. У него в запасе было всего тридцать секунд до того, как вззоет сирена.

Прильнув лицом к стеклу автомобиля, Мартен не верил своим глазам: Арчибальду удалось легко проникнуть в музей, правда, несколько театральным способом, но зато почти мгновенно и без шума. Вот-вот должна была сработать сигнализация. В прошлом году, после попытки кражи, система безопасности в музее Орсе была серьезнейшим образом усилена. Тогда шайке подвыпивших типов удалось проникнуть в музей, взломав запасный выход. Несколько минут пьянчуги гуляли по галереям, пока их не задержали. Не теряя времени даром, они успели оторвать от стены знаменитую картину Моне «Мост в Аржантее».

Тогда было много шума. Министр культуры считал недопустимым факт, что пробраться в Орсе можно так же легко, как залезть на чужую мельницу. В результате все недостатки выявили и ликвидировали. В качестве сотрудника отдела по борьбе с нелегальным вывозом культурных ценностей Мартен Бомон был привлечен к работе. Ему поручили составить перечень возможных мест проникновения в музей и обеспечить их надежную защиту. Теоретически знаменитые галереи, где находились полотна великих импрессионистов, с тех пор стали недоступны для грабителей.

Но сейчас-то почему эта сирена, черт бы ее побрал, все еще молчит?

Арчибальд очутился на одном из столиков кафетерия «Кафе дез Отёр», располагавшегося на верхнем этаже музея, как раз напротив внутренней части стеклянных часов, рядом с музейными залами, где выставлялись картины импрессионистов. Грабитель посмотрел на наручные часы – еще двадцать пять секунд. Он тихо спрыгнул на пол, пересек холл кафетерия и поднялся на несколько ступенек по лестнице, ведущей в залы. Длинные пучки инфракрасных лучей образовывали невидимую сеть, покрывавшую пространство коридоров и экспозицион-

ных залов в радиусе действия до пятидесяти метров. Но он знал, где искать, и быстро обнаружил коробку системы сигнализации, отвинтил защитную крышку и подсоединил к проводам свой миниатюрный ноутбук, размером чуть толще, чем айпод. На экране с головокружительной быстротой замелькали зеленые цифры. Тут же на потолке включились обе камеры, снабженные детекторами, реагирующими на тепловое излучение. Осталось десять секунд...

Не выдержав, Мартен вышел из машины и потянулся так, что хрустнули суставы. Четыре часа он провел в засаде, и у него свело ноги. Мартен отвык от этой работы. Когда он начал, ему приходилось ночи напролет дежурить в невообразимых условиях: то в багажнике автомобиля, то в мусорном баке или распластавшись в ложных перекрытиях между стенами. Неожиданно подул ветер. Мартен передернулся от холода и застегнул кожаную куртку. Тело покрылось гусиной кожей, что, впрочем, в эту теплую летнюю ночь не вызвало неприятных ощущений. С тех пор как Мартен стал работать в отделе, он не испытывал подобного возбуждения. Выброс адреналина последний раз случился с ним лет пять назад, когда он вкалывал в отделе по борьбе с наркотиками. Собачья работа, по правде говоря, трудный период жизни, под которым Мартен был рад подвести черту. Нынешняя должность нравилась больше, особенно потому, что позволяла совмещать его любовь к прекрасному и профессиональную занятость в полиции.

Во Франции таких счастливиц было не более трех десятков, кого приняли в Высшую школу при Лувре на курс дополнительного профессионального обучения. По окончании Мартен стал профессионалом в данной области. Отныне он проводил расследования в благородной тишине музейных интерьеров, в торжественной обстановке аукционов, общаясь чаще с антикварами и коллекционерами, чем с наркодилерами и насильниками, хотя в душе все равно оставался сыщиком, который отлично знает свое дело. В год во Франции происходит около трех тысяч краж произведений искусства. «Охотники за культурными ценностями» слетаются в страну, как мухи на сладкое, а их доходы уже сопоставимы с доходами от продажи оружия и с оборотом наркобаронов.

Мартен презирал хулиганов, разоряющих деревенские церкви, посягающих на чаши для церковных пожертвований, разбивающих статуи ангелов и изваяния Пресвятой Девы; питал отвращение к вандалам, портящим скульптуры в парках. Ему были противны грабители, работающие по наводке завистливых коллекционеров или нечестных антикваров. Вопреки расхожему мнению, похитители предметов искусства вовсе не благородные одиночки. Чаще всего они действуют в сговоре с бандитами и являются частью сети организованной преступности, действующей по суровым законам криминального мира, занимаясь, в том числе, вывозом и перепродажей похищенных шедевров.

Опершись на капот своей старенькой «Ауди», Мартен закурил сигарету, не отрывая взгляда от фасада музея Орсэ. В бинокль он хорошо видел зияющую дыру на стеклянном циферблате. Сигнализация пока не сработала, но он-то точно знал, что еще несколько секунд, и оглушительный вой сирен разорвет тишину ночи.

Три секунды.

Две секунды.

Одна секунда...

Вздых облегчения невольно вырвался из груди и улыбка коснулась уголков губ, когда Арчибальд увидел, как на экране мини-компьютера застыли шесть цифр, и мелькание прекратилось. Потом нужная комбинация замигала, деактивируя работу детекторов движения. Все шло по плану, как он и рассчитывал. Вероятно, когда-нибудь наступит день, и он совершит роковую ошибку. В тот день это станет его последней кражей. Но не сейчас, не в эту ночь. Теперь путь свободен, можно начинать представление.

3–

Собрат по одиночеству

Есть два типа людей. Одни живут, играют и умирают. И есть другие, которые только тем и занимаются, что пытаются сохранить равновесие, и так до конца жизни. Есть актеры. И есть канатоходцы.
Максанс Фермин

Мартен закурил еще сигарету, так и не сумев унять нервную дрожь. На сей раз что-то не сработало. Вот уже минута, как сирена должна была гроыхать на весь квартал. Впрочем, в глубине души он не испытывал большого огорчения. Может, он даже в тайне надеялся на подобный поворот событий: схватить Арчибальда в одиночку, без помощи охраны и полицейских, управиться своими силами, так сказать, обойтись без посторонних?

Мартен знал, что очень многие коллеги восхищаются «подвигами» Арчибальда, и каждый считал бы для себя большой удачей участвовать в его поимке. Стоит признать, что Маклейн – необычный вор. Последние двадцать пять лет он частенько выставлял в глупом свете полицию многих стран, а у музейных работников от одного его имени на лбу выступает холодный пот. Любитель театральных эффектов, Маклейн возвел криминальное преступление, то есть кражу со взломом, чем, по сути, и занимался, в ранг искусства. Оригинальность задумки и виртуозность исполнения каждого из его дел служили тому доказательством. Он никогда не прибегал к насилию, ни разу не стрелял из пистолета и не пролил ни единой капли крови. Единственным оружием Арчибальда являлись хитрость и дерзость. Ничто его не останавливает, он без колебаний грабит людей, с которыми другие предпочли бы не связываться. Среди его «клиентов» – русский олигарх Олег Мордгоров, связанный с мафией, и наркобарон Карлос Ортега. Ему, видимо, наплевать, что потом приходится скрываться от русской мафии, он готов навлечь на свою голову неприятности и покруче – например, месть южноамериканских картелей. Мартена доводили до бешенства комментарии в прессе о проделках Арчибальда. Журналисты сделали из него чуть ли не героя. Если судить по их репортажам, он был скорее артистом, нежели преступником.

Странно, но в полиции о нем почти ничего не знали: не было сведений ни о его национальности, ни о возрасте, даже следы ДНК не хранились в базе. Этот человек никогда не оставлял следов. Даже на камерах видеонаблюдения редко появлялась его фигура, а если можно было различить черты лица, то они менялись, настолько он владел искусством перевоплощения. Агентство безопасности напрасно обещало большие суммы тому, кто сообщит сведения, необходимые для его поимки, в результате удалось собрать лишь кое-какие отдельные свидетельства. Арчибальд, как хамелеон, легко менял внешний облик и был способен превращаться в кого угодно. У него, судя по всему, не имелось сообщников среди скупщиков краденого или кого-либо из преступного мира. Напрашивался вывод о том, что Арчибальд работал в одиночку, на себя самого.

В отличие от своих коллег и от журналистов Мартен не поддался мистическому очарованию преступника. Для него Маклейн, несмотря на ореол гения преступного мира, так и остался грабителем.

К тому же Мартен не считал похищение произведений искусства банальным воровством. И дело тут не в рыночной стоимости. Любое художественное творение в его глазах являлось священным предметом, исполняя высокую миссию передачи культурного наследия от поколения к поколению. Таким образом, кража произведения искусства, на его взгляд, являлась тяжким преступлением против основных ценностей человеческой цивилизации.

И тот, кто занимался подобным, не заслуживал никакого снисхождения.

Арчибальд ступал тихо, как в церкви, стараясь не выдать своего присутствия: в музее царило спокойствие. Он вошел в экспозиционный зал с благоговейным трепетом. Ночью музейные помещения погружаются в особую атмосферу, изумрудно-зеленое свечение с оттенком синего кобальта придает им сходство со старинным замком, населенным привидениями. Арчибальд позволил себе погрузиться в таинственную обстановку. Он всегда думал, что по ночам музеи могут позволить себе вздохнуть спокойно, утомившись за день от туристов, восторженных возгласов и фотовспышек. Стремясь насладиться искусством, не занимаемся ли мы порчей произведений искусства, не покушаемся ли на их первозданную чистоту? Ведь подобная эксплуатация может закончиться тем, что мы потеряем их навсегда! За год живописное полотно поглощает столько же света, сколько в былые времена накопилось бы за пятьдесят лет. В результате, выставленные для многочисленных просмотров, они теряют блеск, расточают свою жизненную силу, в конце концов медленно умирают.

Арчибальд зашел в первый зал, посвященный Полю Сезанну. За двадцать лет своей криминальной карьеры он посетил дюжину музеев, держал в руках великие шедевры, однако каждый раз испытывал сильное волнение, восхищение до дрожи в руках перед гением мастера. В этом зале выставлялись несколько из самых известных: «Купальщики», «Игроки в карты», «Гора Святой Виктории»...

Грабителю потребовалось усилие, чтобы отвлечься от восхищенного созерцания. Он вытащил из-за пояса тонкий титановый стержень и отвинтил деревянную панель, отделяющую галерею от следующей.

Арчибальд пришел в этот раз не за Полем Сезанном...

Мартен раздавил окурок сигареты о подошву ботинка и сел в машину. Пока не наступил момент обнаружить свое присутствие. Он хорошо усвоил за десять лет службы в криминальной полиции одну важную вещь: даже гениальный преступник рано или поздно допускает ошибку. Такова уж людская природа: лишняя самоуверенность притупляет осторожность, а это, в свою очередь, приводит к ошибке, пусть незначительной, но достаточной, чтобы попасться. За последнее время Арчибальд осуществил ряд блестящих ограблений, которых в мире искусства раньше не предпринимал никто: среди похищенных им шедевров – «Танец» Матисса из Эрмитажа в Санкт-Петербурге, бесценный манускрипт партитуры симфонии Моцарта в Нью-Йорке, божественная скульптура обнаженной работы Модильяни из лондонского музея... Три месяца назад один русский миллиардер, Иван Волынский, после выходных, проведенных на своей яхте в компании друзей, был неприятно удивлен, обнаружив по возвращении, что у него украдена знаменитая картина Джексона Поллока «Номер 666», приобретенная на аукционе «Сотби» почти за девяносто миллионов долларов. Кража, как поговаривали, взбесила олигарха особенно потому, что картину он купил специально для своей новой подружки.

Мартен зажег лампочку в салоне и достал из кармана записную книжку с информацией о последних кражах.

DATA	ПРОИЗВЕДЕНИЕ	АВТОР	DATA СМЕРТИ
КРАЖИ			ХУДОЖНИКА
3 ноября	Танец	МАТИСС	3 ноября 1954
5 декабря	Манускрипт	МОЦАРТ	5 декабря 1791
24 января	Обнаженная	МОДИЛЬЯНИ	24 января 1920
6 февраля	Портрет Адели	КЛИМТ	6 февраля 1918
8 апреля	Низкий	ПИКАССО	8 апреля 1973
16 апреля	Обнаженная маха	ТОЙЯ	16 апреля 1828
28 апреля	Названный критик	БЭКОН	28 апреля 1992

Совпадений было слишком много, чтобы предположить случайность: похоже на почерк «серийного убийцы». Арчибальд Маклейн не случайно выбирал объекты, не хватало что попадется под руку, а следовал определенному *modus operandi*². Может, хотел таким образом выразить свое почтение. Видимо, он планировал похищение в зависимости от даты смерти художника, которого почитал. Потрясающее тщеславие или просто желание поиздеваться над полицией и дать повод для очередной легенды. Каждый раз на месте преступления Маклейн оставлял визитную карточку, украшенную орнаментом в виде созвездия Южного Креста. Странный тип, оригинальный.

Вычислив его принцип, Мартен перепроверил все донесения Интерпола, но ни в одном из них не обнаружил намека на данную закономерность. Похоже, он – единственный в мире сыщик, которому удалось установить закономерность между датой похищения произведения и датой смерти его автора! Молодому полицейскому было неловко заявлять об этом открытии и признаваться, таким образом, в своем превосходстве. Он не сообщил об этом даже своему начальнику, полковнику Луазо. Мартен предпочел сохранить свои предположения в тайне, чтобы иметь возможность действовать самостоятельно, на собственный страх и риск. Гордыня? Конечно, но и свойство характера. Мартен по натуре был одиночкой, в командной работе не блистал. В полной мере его таланты раскрывались, когда он мог себе позволить работать в индивидуальной манере и действовать по своему усмотрению. Этим вечером Мартен собирался поступить именно так и принести в отдел голову Арчибальда на тарелочке с голубой каемочкой. Как обычно, полковник Луазо и его коллеги не преминули бы записать подвиг Мартена себе в заслугу, но ему было безразлично. Он ведь стал полицейским не ради славы и наград.

Мартен опустил стекло старенькой «Ауди». Ночной воздух наэлектризован, пропитан зловещими предзнаменованиями, полон обманчивых надежд. Там, где-то высоко, за окнами фасада музея Орсэ, можно разглядеть огромные роскошные люстры, следы бывшего величия. Мартен посмотрел на часы – «Омега спидмастер», коллекционные, между прочим, – подарок бывшей подружки, давно исчезнувшей из его жизни.

Наступило 29 июля, годовщина смерти Винсента Ван Гога.

– Поздравляю, Винсент, – просто, по-приятельски произнес Арчибальд, заходя в следующий зал, где размещались знаменитые картины художника: «Сиеста», «Портрет доктора Гаше», «Церковь в Овер-сюр-Уаз».

Он прошел немного вперед и остановился перед самым известным автопортретом мастера. От картины исходило необъяснимое сияние, рядом с ней даже чувствовалась вибра-

² Способ действия (лат.).

ция пространства, в полумраке зала ее бирюзовые краски и серый цвет полыни с зеленоватым отливом слабо переливались. Из деревянной с позолотой рамы Ван Гог не мигая, искоса смотрел на вора. В его неподвижном взгляде было нечто волнующее – казалось, он пристально следит за ним и одновременно хочет отвести глаза. Резкими мазками обозначены суровые черты изможденного лица, в основном скрытого, как языками пламени, оранжевой шевелюрой и бородкой огненного цвета, а на заднем фоне, за его спиной, витиевато клубится какой-то арабский орнамент.

Арчибальд внимательно всматривался в полотно. Ван Гог, как Рембрандт и Пикассо, часто рисовал свои портреты: наверное, ему нравилось использовать себя как натурщика. В своей неповторимой манере на каждом из этих полотен художник пытался найти свою индивидуальность, и так вплоть до помешательства. Всего им написано свыше сорока автопортретов, и каждый – безжалостное зеркало, отражающее этапы того, как он постепенно сходил с ума. Данный портрет знаменит тем, что Винсенту он нравился больше, чем другие. Возможно, потому, что он писал его в приюте Сен-Реми-де-Прованс, где лечился в психиатрической клинике, в один из наиболее плодотворных периодов своей жизни, но также и наиболее печальных, примерно за год до самоубийства. Растроганный Арчибальд почувствовал волнение и боль, глядя на искаженное страданием лицо художника. Этой ночью с портрета на похитителя смотрел его собрат по одиночеству. Маклейн мог бы похитить картину еще лет десять назад. Но тогда он решил отложить кражу до той поры, когда достигнет апогея в своей воровской карьере.

Этажом ниже раздался шум шагов, но Арчибальд не мог оторвать взгляда от картины голландца, чей гений, по сути, восторжествовал над его душевной болезнью. Словно загнипнотизированный, он смотрел ему в лицо. Размышления о судьбе Ван Гога при взгляде на автопортрет навели его на мысли о собственной жизни и судьбе, на вопросы, на которые он сам искал ответа. Кем он был на самом деле? Принимал ли он верные решения в переломные моменты жизни? Чему мог бы посвятить себя на закате дней? И, что особенно важно, найдет ли он в себе смелость сделать шаг навстречу ЕЙ – единственной настоящей женщине в его жизни, чтобы попросить у нее прощения?

– Ну так что, Винсент, пойдем? – спросил Маклейн.

Ему показалось, будто в глазах Ван Гога сверкнула искорка. Разумеется, то была игра света, но он принял ее как знак согласия.

– Ладно, давай снимем тебя отсюда. Будет немного трясти, но это нестрашно! – предупредил он, собираясь вынуть картину из рамы.

В этот момент сработала сирена, и оглушающее завывание раздалось во всех залах музея.

Сирена ревела так громко, что была слышна даже на улице. Мартен был уже наготове и ждал сигнала, чтобы приступить к действиям. Он схватил из «бардачка» служебный пистолет и выскочил из машины на тротуар. Полуавтоматический пистолет «зиг-зауэр» с недавних пор был положен каждому полицейскому в жандармерии и в полиции во Франции. Он проверил магазин на пятнадцать зарядов, положил его в кобуру.

Хоть бы не пришлось им воспользоваться...

Мартен отвык от стрельбы, ему не хватало тренировок. С тех пор как попал в отдел, он не произвел ни одного выстрела, а вот когда работал в отделе по наркотикам, регулярно приходилось пользоваться оружием.

Мартен пересек две полосы проезжей части, чтобы занять позицию у стен музея, на улице Лежон-д'Оннёр, расположенной перпендикулярно набережной Сены. Улица была пустынная, только двое бездомных спали, завернувшись в спальные мешки, рядом со входом в метро. Молодой сыщик спрятался за колонной и возобновил наблюдение. В бинокль он сразу заметил еще одну веревку, спущенную вдоль стены музея до балконов второго этажа, и почувствовал учащенное биение собственного сердца.

Поторопись, Арчи. Я уже на месте. Я тебя жду.

Как только Арчибальд снял картину со стены, с двух сторон зала молниеносно опустились решетки безопасности, отрезав пути к бегству. Во всех крупных музеях мира теперь действуют подобные системы: вместо того чтобы изобретать новые способы, как защитить от злоумышленников входы в здание, используют дополнительные меры в виде прочных стальных решеток, которые блокируют вора в помещении и не дают сбежать.

За несколько минут охранники обследовали верхние этажи музея.

– Он там, в зале тридцать четыре! – крикнул шеф охраны, проходя по коридору, ведущему к галереям.

Не теряя хладнокровия, Арчибальд надел на лицо респираторную маску, на глаза – очки с тонкими синеватыми стеклами и достал из рюкзака то, с помощью чего собирался ускользнуть. Патруль быстро приближался, преодолевая на полной скорости залы с картинами импрессионистов. Как только охранники ввалились в зал № 34 и очутились перед стальной решеткой, они сразу заметили на паркете три гранаты с сорванным предохранителем. От неожиданности охранники застыли на месте, не зная, как действовать дальше. Гранаты издали звук, похожий на выхлоп, и из них стал выделяться газ фиолетового цвета. Помещение наполнилось густым едким дымом с противным запахом горелого пластика.

– Гад, он нас всех тут хочет отравить! – крикнул начальник охраны, отступая назад.

Не заставили себя ждать детекторы, реагирующие на задымление, и сирена пожарной тревоги внесла свой шумный вклад во всеобщий хаос. Следующим номером программы стали железные жалюзи, автоматически опустившиеся на картины, защищая их от потопа, незамедлительно последовавшего после объявления пожарной тревоги, как только температура в зале повысилась до опасного значения.

На экранах прямого слежения в комиссариате Седьмого округа получали цифровую картинку, транслируемую с камер видеонаблюдения, установленных в музее Орсе. Система телебезопасности, связывающая музей с комиссариатом, срабатывала иногда по ошибке, но на сей раз сомнений в серьезности угрозы не оставалось, и три полицейские машины ринулись, включив сигнал тревоги, к знаменитому музею на левом берегу Сены.

– Понять не могу, какую игру он затеял, – пробурчал начальник охраны, зажав нос платком, чтобы не дышать ядовитым дымом. Он схватил рацию и отдал приказ на пост охраны: – Пошлите ребят на нижние лестницы. Мы не должны упустить его из виду!

За стальной решеткой начальник охраны заметил в дыму лишь неясную тень, перемещающуюся по залу с полотнами Ван Гога. Пока дым не заполнил зал и прилегающие коридоры, через очки с инфракрасными линзами он мог хоть что-то различать. У него не было опасений, что грабитель может улизнуть: сквозь пелену он видел, что стальная решетка с противоположной стороны зала опустилась, как и положено, преградив ему путь к отступлению. «Полицейским останется лишь надеть на него наручники, как только мы разблокируем выход», – думал он, ни о чем не подозревая.

Он не мог видеть, что решетка опустилась не до самого пола, оставив зазор сантиметров на пятьдесят, поскольку мешал титановый стержень...

Тонкие губы Арчибальда скривились в едва заметной улыбке, пока он пролезал под стальной решеткой, прежде чем покинуть музей по тому же маршруту, как он туда попал. Вся операция заняла не более пяти минут. Этого времени было вполне достаточно, чтобы снять со стены бесценную картину.

4 –

Двое в городе

Только враги говорят правду; друзья и возлюбленные врут постоянно, запутавшись в сетях обязательств.

Стивен Кинг

Пробежав по крышам, Арчибальд добрался до веревки, прикрепил ее карабином к поясу, спустился по ней на балкон второго этажа, не переводя дыхания, перепрыгнул через балюстраду и очутился на козырьке из прочного матового стекла, который нависал над центральным входом в музей. Потом, не мешкая, с кошачьей грацией и почти без разбега перепрыгнул несколько метров, чтобы оказаться на ступенях центрального входа.

«Неплохо! Да ты мастер акробатических трюков», – оценив прыжок по достоинству, подумал Мартен, стоя в засаде за колонной.

Он достал пистолет и был готов вступить в игру. Наконец-то он находился у цели. Знаменитый похититель завладел мыслями Мартена, и поймать его стало навязчивой идеей. Он вообразил, что станет первым, кто разгадает его тайну. Сведения о Маклейне были весьма незначительными, однако Мартен постарался составить психологический портрет, пытаясь думать, как он, чтобы понять его логику и предугадать действия. И вовсе не потому, что он был им очарован. Тут другое – жгучее любопытство, невидимая связь, влечение, подобное тому, что возникает у партнеров при игре в шахматы. Как та, что объединяла Бруссара и Мезрина, Роже Борниша и Эмиля Бюиссона, Клариссу Стерлинг и Ганнибала Лектера...

«Давай скорей, кончай бредить и выходи из засады. Арестуй его!»

Несмотря на мысленный приказ, Мартен остался стоять за колонной.словно простой зритель, сидящий перед экраном фильма, где главный герой – не он. Странно, вот теперь, когда операция завершилась, он почувствовал, как сосет под ложечкой. Откуда взялась такая нерешительность? Почему он ощущает болезненное желание продолжить охоту, еще немного поиграть в кошки-мышки? Чтобы продлить удовольствие?

Арчибальд зря времени не терял. Едва очутившись на земле, он молниеносно исчез за газетным киоском на улице Лежбон-д'Оннёр, а через мгновение вышел оттуда полностью преобразившимся – сменил свой камуфляжный костюм на светлый пиджак и полотняные брюки.

«Не зря о нем говорили, что он мастер по перевоплощению», – подумал Мартен. Но еще больше, чем наряд, изменилась походка: он сгорбился и тяжело ступал, будто за десять секунд состарился на десять лет. Но самое удивительное ожидало впереди. «Глазам своим не верю!» При свете уличного фонаря сыщик увидел, как грабитель спокойно сел на велосипед... С недавних пор велиб – достопримечательность французской столицы. Муниципалитет подарил возможность пользоваться двухколесной машиной туристам и парижанам. Двадцать тысяч велосипедов мышиного цвета стоят на специально оборудованных парковках, готовые к их услугам. Всего за пару месяцев они приобрели популярность. Видимо, Маклейн тоже их оценил, даже если пользовался только от случая к случаю, ведь не забыл же он предусмотрительно прикрепить свою машину к фонарному столбу перед тем, как залезть на крышу музея!

Оглушительная какофония сирен оповестила о прибытии полицейских из комиссариата Седьмого округа. Арчибальд уже крутил педали по набережной Анатоля Франса. Мартен хотел вернуться к своей машине, но отправился за ним вдогонку на велосипеде, сначала вдоль Сены, потом, оставив позади здание Национальной ассамблеи, в направлении острова Сите. Напротив центрального входа в музей, на площади Анри де Монтерлан, притормозили три машины, из которых выскочили полицейские и устремились к входу.

Никому из них даже в голову не пришло, что пожилой человек на велосипеде, который попался им навстречу, когда они заворачивали с набережной к музею, и есть тот тип, за которым они приехали.

Следуя за Маклейном на небольшом расстоянии, Мартен пытался сообразить, куда тот направляется. Грабитель съехал на проезжую часть вдоль набережной и спокойно двигался по полосе встречного движения. Он так ни разу и не обернулся, чтобы проверить, не преследует ли его кто-нибудь. Находясь на противоположной стороне, сыщик не спускал с него глаз. К счастью, это было несложно – велиб был хорошо замечен издали: на колесах – светоотражающая полоса, спереди, как и сзади, – яркая фара. В предзакатных сумерках его невозможно было потерять из виду. К тому же все его провода и тормозные трубки закрывались специальными обтекателями – наверное, такие доспехи ради безопасности пассажира весили целую тонну, и это пресекало желание возомнить себя Бернаром Гино³.

Похолодало, погода испортилась, полотнища трехцветных флагов на фасаде центрального офиса Депозитного банка трепетали на ветру. Мартен немного отстал, но держал ситуацию под контролем. Даже если бы Арчибальд догадался, что за ним слежка, все равно не смог бы улизнуть. По крайней мере, не на таком расстоянии. Молодой полицейский был вынослив, почти каждое утро он совершал моцион, бегая не щадя сил, до изнеможения. Если бы вору пришлось в голову рвануть с места, его преследователь не дал бы ему далеко уйти. Он специально держался на почтительном расстоянии, чтобы до поры до времени не обнаружить себя.

Они пересекли Королевский мост с круглыми арками, соединяющий улицу Бон с Павильоном Флоры.

Похоже, Арчибальд наслаждался ночной прогулкой, небрежно давя на педали, с наслаждением втягивая ночной воздух, как турист, впервые оказавшийся в Париже. К переднему колесу велосипеда крепилась металлическая корзина для перевозки небольшой поклажи. Туда он и кинул холщовую сумку защитного цвета, совершенно обыкновенную, какие продают иногда по бросовым ценам. В ней лежала картина Ван Гога за сто с лишним миллионов евро...

На набережной Вольтера он решил доставить себе удовольствие и поехал медленнее, по пути разглядывая витрины шикарных магазинов, антикварных лавок и книжных магазинчиков с книгами по искусству.

«Ах! Теперь мы строим из себя туриста!» – вздохнул Мартен. Впрочем, он и сам был очарован прелестью ночного квартала. В эту пору набережная Вольтера, казалось, потерялась во времени, и не нужно было напрягаться, чтобы представить себя в другой эпохе. В те времена, когда в квартале располагались мастерские Энгра и Делакруа, когда в гостинице неподалеку Бодлер сочинял «Цветы зла»...

Яркий навязчивый рекламный плакат на павильоне автобусной остановки вернул Мартена к действительности. Арчибальд тем временем катил мимо железных ящиков букинистов, некоторые были расписаны граффити, содержащими послания, не отличающиеся высоким слогом: «Джамила, я тебя люблю». «Реджи, ты – подлец!» «Сарко-Фако – Сего в политике – то же, что Перис Хилтон в культуре».

После моста Карузель похититель сразу направился к лавке Сеннелье «Краски набережной», будто являлся его завсегдатаем. Этот магазинчик снабжал красками и холстами еще Модильяни и Сезанна, а также Пикассо. Двое регулировщиков на посту болтали от нечего делать перед апартаментами бывшего президента Ширака. Арчибальд проехал мимо них с довольной усмешкой.

Вскоре грабителю надоело изображать туриста, и он ускорил темп. Впрочем, не настолько, чтобы Мартен забеспокоился. Освещение в этой части улицы было достаточным,

---

³ Французский астроном. Участвовал в постановке ряда космических экспериментов.

чтобы держать его в поле зрения даже издалека. На горизонте в полумраке показался кованный пролет моста Искусств. Движение на улицах становилось оживленным. Несколько такси пронеслись на большой скорости по выделенной для автобусов полосе. Уборщики мыли трап, ведущий к качающейся на Сене длинной барже, переоборудованной под плавающий ресторан. Белый автомобиль с зеленой полосой «Собственность Парижа» стоял, прижавшись к тротуару, с зажженными фарами и включенным мотором, но водителя в салоне не было.

Теперь Арчибальд с усилием жал на педали. Как вихрь он промчался мимо института, и Мартен, чтобы не отставать, также был вынужден прибавить ход. В его голове проносились разные мысли. Что же делать? Арестовать Маклейна прямо сейчас или рискнуть продолжить преследование? Ведь если даже заковать Арчибальда в наручники, где гарантия, что похищенные им картины удастся вытащить на свет божий и вернуть миру дюжину великих полотен, которые он прибрал к рукам? Воспаленная фантазия сыщика рисовала ему странные образы в духе мифической сокровищницы Арсена Люпена: где-то в скалистых ущельях Этрета, на берегу океана, он соорудил тайное убежище и прячет там шедевры: «Джоконду», знаменитые картины Боттичелли, мрачные полотна Рембрандта... Наверняка тайник Маклейна ни в чем ему не уступает.

«Это я его выследил. Значит, я сильнее. А в таком случае смогу арестовать его, когда захочу...»

Под раскидистыми деревьями на набережной Конти Арчибальд сбавил темп. Мартен не возражал. Вдоль набережной, мимо сторожевой башни пожарной охраны проезжал патруль, но он проводил облаву на бездомных, и грабители его не интересовали. Арчибальд и бровью не повел, продолжая крутить педали в сторону острова Сите. Когда очертания Нового моста обрисовались на горизонте, Мартен впервые спросил себя: а он уверен, что в этой охоте исполняет роль охотника, а не добычи?

Набережная Гран-Огюстен. Тут похититель слез с велосипеда и оставил его у подножия Валлас, водоразборной колонки, переделанной в фонтан. Четыре кариатиды грациозно поддерживали чугунную чашу, украшенную барельефом из дельфинов и морских чудищ.

Арчибальд забрал сумку из корзины и, перекинув ее через плечо, направился к Новому мосту. Мартену пришлось пойти за ним, не прячась, в открытую, по той же дороге. Он опять вытащил свой пистолет, скорее машинально, чем по необходимости.

Новый мост с полукруглыми балконами по всей длине и сотней фигурок фантастических существ по карнизу не только самый старый мост Парижа – он не зря считается самым феерическим, волшебным. Его двенадцать арочных пролетов элегантной ломаной линией тянутся через оба рукава Сены, проходя в центре по насыпной площадке на оконечности острова Сите, расположенного посередине реки.

В предрассветный час на мосту никого не было, лишь сильный ветер взметал пыль. Арчибальд, мастер перевоплощения, быстро вернул себе бодрость и пластичность движений. Походка изменилась до неузнаваемости, это был уже не дряхлый старик, которого Мартен увидел выходящим из-за киоска. Он с легкостью преодолел две широких полукруглых ступени у основания моста.

Сыщик старался не отставать, хотя это было непросто. Он запыхался, на лбу выступили капельки пота. В полусогнутой руке Мартен по-прежнему сжимал пистолет, направив его дулом к земле. Он заволновался. А вдруг на противоположной стороне моста грабителя поджидает машина? Или сообщник выскочит из-за угла и придет на выручку? В таких условиях продолжать тайную слежку стало опасно: Арчибальд легко мог уйти от преследования. Мартен поднял предохранитель, положил палец на курок и сделал первое предупреждение:

– Стоять! Полиция!

Грабитель замедлил шаг, но не обернулся.

– Стоять! Или я стреляю! – произнес Мартен.

Арчибальд замер на месте.

– Держите руки на виду и медленно поворачивайтесь!

Мартену не пришлось повторять дважды: Арчибальд исполнил приказ. И тут сыщик впервые вблизи разглядел черты его лица.

Перед ним стоял человек лет шестидесяти, для своих лет хорошо сохранившийся. В каштановой шевелюре и в коротко подстриженной бороде серебром проблескивала седина. Насмешливый взгляд светло-зеленых глаз озарял лицо с правильными чертами, открытое и спокойное, правда, на коже кое-где сохранились пятна от черной ваксы. Выражение лица не выражало ни страха, ни удивления. Наоборот, спокойствие и легкую иронию.

– Привет, Мартен. Замечательная ночь сегодня, не так ли?

Сыщик почувствовал, что у него леденеет кровь.

«Черт побери! Откуда он меня знает?»

– Заткнись и поставь сумку на землю!

Арчибальд отпустил сумку, и та упала возле его ног. Мартен заметил на ткани кармашка вышитую эмблему Королевских воздушных сил Великобритании.

– Если ты действительно хотел арестовать меня, Мартен, то надо было это сделать еще там, около музея.

«Откуда он знает, что я за ним следил?»

У похитителя был низкий приятный голос, он говорил с легким шотландским акцентом, слегка грубоватым. Мартен вспомнил про Шона Коннери, который намеренно сохранял шотландский акцент, играя любую роль, какой бы ни была по сценарию национальность его героя.

– Руки вперед, ладонями кверху! – строго крикнул он, вынимая из кармана куртки наручники.

Но на сей раз Маклейн не послушался.

– Ты допустил ошибку, – мирно сказал он. – Всего лишь одну, но роковую: позволил обвести себя вокруг пальца, а ведь мог бы и выиграть! Никогда не позволяй себе так долго колебаться.

Мартен осознал, что их роли поменялись, и онемел от удивления, а Арчибальд продолжил:

– Проигравший всегда сам виноват в своей неудаче, и его счастливый соперник тут ни при чем. Хотя, полагаю, ты это уже знаешь.

Порыв сильного ветра поднял и закружил придорожную пыль. Мартену пришлось прикрыть лицо, а Маклейн невозмутимо произнес:

– Иногда бывает так, что проще проиграть, чем потом расплачиваться за победу, правда?

Мартен промолчал, но Арчибальд настаивал:

– Признай хотя бы, что ты задавал себе этот вопрос!

– Какой вопрос?

– «Если бы я арестовал Маклейна сегодня, в чем тогда будет заключаться смысл моей жизни с завтрашнего дня?»

– Условное наклонение тут не к стати. Я вас арестовываю! Прямо сейчас.

– Да ладно, сынок, признайся, ведь кроме меня у тебя больше никого нет.

– Я вам не сынок!

– Жены у тебя нет, детей тоже, даже нет постоянной подружки. Родители умерли. Коллеги? По большей части ты их презираешь. Начальники? Ты считаешь, что они тебя недооценивают.

Маклейн сохранял самообладание, находясь под дулом пистолета. Напрасно Мартен считал себя хозяином положения. У него был пистолет, а у Арчибальда – только слова. Но в этой игре слова оказались эффективнее огнестрельного оружия.

Арчибальд в упор смотрел на сыщика, глаза его поблескивали. Суровость тона и утонченность выражений придавали особый смысл его словам.

– Судя по всему, ты переоценил свои силы, парень.

– Я так не думаю, – соврал Мартен. Он пытался обрести уверенность в себе, сжимая пистолет, но оружие стало вдруг неимоверно тяжелым, ладони вспотели, и «зиг-зауэр», несмотря на пластиковую обмотку вокруг рукоятки, буквально выскальзывал из рук.

– Тебе бы следовало этой ночью позвать на помощь приятелей, – съязвил Маклейн.

Он поднял холщовую сумку, стоящую у его ног, словно желая отдохнуть от разговоров, и вытащил оттуда автопортрет Ван Гога. Потом он протянул руку над перилами моста и сделал вид, будто готов бросить картину в реку.

– Тебе кто нужен, Ван Гог или я? – спросил он, угрожающе размахивая полотном над водой.

Мартен ужаснулся. Широко раскрыв глаза, он уставился на картину, не в силах отвести от нее взгляд. Призрачно-голубые переливы красок на портрете завораживали и гипнотизировали. Тут что-то не так! Судя по его сведениям, Арчибальд был настоящий эстет, утонченный ценитель живописи. Такие люди не станут рисковать бесценной картиной даже ради того, чтобы обеспечить себе побег. Хотя можно, конечно, вспомнить прошлогоднюю хулиганскую выходку, когда Маклейн испортил торжественное открытие выставки Джеффа Кунса в Версале, подложив самодельную бомбу под гигантского омара. Бомба взорвалась в одном из салонов, и осколки попортили так называемые шедевры современного гения. Но то был Джефф Кунс все-таки, а не Ван Гог...

– Не делайте глупостей, Маклейн!

– Ну что, парень, непростой выбор?

– Вы не посмеете! – попытался остановить его Мартен. – Учтите, я знаю вас лучше, чем вы думаете.

– В таком случае до скорой встречи, приятель! – крикнул Арчибальд и, размахнувшись, швырнул картину в темные воды Сены.

Мартен подскочил к самому краю ступени, расположенной ближе всего к реке. Из-за сильного ветра волны на Сене разбушевались, как в море во время небольшого шторма. Он терпеть не мог плавать и никогда не ходил в бассейн с тех пор, как однажды во время соревнований офицеров полиции чуть не опозорился перед всеми. Но что он мог сделать сейчас? Разве у него был выбор?

Он сделал глубокий вдох и прыгнул в воду.

От него зависела жизнь Ван Гога.

Арчибальд пересек другой рукав Сены, спустился к пристани Лувра, где стояла его припаркованная машина, кстати, английская коллекционная, сел за руль и поехал в сторону набережной Франсуа Миттерана. Скоро он растворился в предрассветных сумерках.

5 –

Влюбленные на Новом мосту

Как было бы хорошо, если бы у меня было два сердца, одно – холодное и бесчувственное, другое – постоянно влюбленное. Я бы отдал второе той, ради которой оно бьется, а с первым жил спокойно и был бы счастлив.

Амин Маалуф

Набережная Сен-Бернар

3 часа 20 минут

– Ребята, пошевеливайтесь! Пора на вызов. У нас проблемы на Новом мосту!

Капитан Карина Аньели вошла в комнату отдыха полицейского участка Речного порта в Париже.

– Диас, Капелла, вы идете со мной. Какой-то тип бросился в воду.

Оба младших лейтенанта вскочили и последовали за своей начальницей. Через пару минут они уже заняли места на сторожевом катере со звучным именем «Корморан», на нем они патрулировали по Сене.

Судно плавно скользило по волнам. В воде отражался свет от желтых уличных фонарей, и, казалось, оно плывет по жидкому золоту.

– Достали эти самоубийцы, – ворчал Диас. – На этой неделе уже четвертый.

– Мосты им подавай! Пусть бы уж лучше бросались под поезд! – вторил ему Капелла.

– Не говорите глупостей, парни! – прикрикнула на них Карина.

Действительно, в любое время года парижские мосты и набережные привлекают отчаявшихся, добавляя работы патрульным Речного порта, за год они спасают более ста жизней. Но летом, когда у воды и так много народу, количество несчастных случаев многократно возрастает. Бывают дурацкие ситуации, когда в реку прыгают на спор после веселой вечеринки. Иногда любители «Парижского пляжа», оборудованного для отдыха на свежем воздухе у воды в жаркие летние дни, отваживаются нырнуть в воду «рыбкой», что категорически запрещено, несмотря на обещания бывшего мэра разрешить купание в Сене. Пароходное движение по реке достаточно интенсивное, и велика опасность столкнуться с баржей или прогулочным катером. Не говоря уж о том, что в воде можно подхватить лептоспироз, бактерию, которая попадает туда с крысиной мочой. Это страшное заболевание кончается в лучшем случае параличом, а в худшем – смертью.

Катер продолжал движение, проплывая Орлеанскую набережную, порт Сен-Мишель, набережную Орфевр, потом замедлил ход вблизи Нового моста.

– Ты что-нибудь видишь? – спросил Капелла.

– Черт побери, ну где же этот кретин? – воскликнул Диас, всматриваясь в темноту.

Карина Аньели разглядывала водную гладь в бинокль, стараясь сохранять спокойствие. Полицейские нервничали. На прошлой неделе в районе набережной Турнель катер компании «Бато-Муш» столкнулся с прогулочным судном, переполненным туристами. Врезавшись после столкновения в опору моста, прогулочный катер пошел ко дну. Вызвали бригаду спасателей, они прибыли очень быстро, но все равно одного ребенка спасти не удалось. Утонул, захлебнувшись в воде, маленький мальчик трех лет. Все спасатели действовали строго по инструкции, и их вины в этом не было, однако в службе спасения очень переживали гибель ребенка.

– Вон он! – неожиданно крикнула Карина, показывая пальцем в сторону сквера Вер-Галан, в стороне от моста.

Катер, сбавив скорость, стал медленно пришвартовываться к берегу.

– Я пойду, – решительно сказала она, резким движением застегнув комбинезон и опустив на лицо маску.

Не успели ее подчиненные возразить, как Карина уже нырнула в темную реку. Очень элегантно – вперед головой, вытянув тело, плавно войдя в воду, с прямыми ногами, описав руками в воздухе полукруг. Вскоре она была уже рядом с несчастным, намереваясь оказать ему первую помощь.

Но когда Карина подплыла, оказалось, что он сам, правда, не без труда, плывет к берегу, держа перед собой картину, опираясь на нее, как на пробковую доску, на которой детей учат плавать.

– Вы не полицейские! Вы дилетанты! Где ваш профессионализм?

Тонкий указательный палец министра внутренних дел угрожающе метил в каждого из стоящих перед ней навытяжку: в директора музея, начальника охраны, директора полицейского управления, а также в шефа отдела по борьбе с нелегальным вывозом произведений искусства. Всем досталось! Срочное совещание состоялось через полчаса после похищения в самом музее Орсэ.

– Как это могло случиться?! – возмущалась министр.

Она была первой, кому удалось достичь таких высот, начиная карьеру с самых низов – в провинции, в эмигрантской среде. Журналисты полюбили ее и превратили в символ Республиканской партии. Умная, амбициозная, она умудрялась демонстрировать одновременно и несогласие с оппозиционерами, и готовность договариваться. Прославилась тем, что всегда высказывалась открыто, не подбирая специально слова, чтобы казаться приятной, а также тем, что демонстрировала безграничную преданность президенту Республики. Он сам за глаза иногда называл ее «наша французская Кондолиза Райс».

– Вы просто беспомощны, вот и все!

В скромном сером костюме от Пола Смита и белой блузке от Аньес Б., уже минут пять она мерила шагами зал Ван Гога, изливая злость на тех, кого считала виновными в очередном похищении. Черные волосы свисали прядями по щекам, оставляя открытым холодный и высокомерный взгляд темных, подведенных черным карандашом, глаз. Рядом с ней молча стояла министр культуры, предпочитая не вмешиваться.

– Такое впечатление, что вам нравится, когда этот грабитель выставляет вас в смешном виде! – Палец высокого начальства указывал на визитку Арчибальда Маклейна, приколотую к стене на месте автопортрета Ван Гога.

В широком коридоре, где размещалась экспозиция импрессионистов, было негде ступить, полицейские находились повсюду. Металлические решетки подняли. Мягкое синеватое освещение, заливавшее музейные залы по ночам, сменилось на ослепляющий свет прожекторов. В зале Ренуара следователи допрашивали охранников, в зале Моне изучали записи камер наблюдения, в то время, как команда экспертов из научного отдела с глубокомысленным видом исследовала зал, где висели полотна Ван Гога.

– Картину необходимо разыскать и срочно вернуть на место, – подвела итог министр. – В противном случае считайте, что вашей карьере конец.

Роскошный автомобиль серебристого цвета скользил по шоссе Жорж Помпиду. Эта машина явилась из далеких 60-х годов прошлого века, когда «Астон Мартин» переживал золотые времена. За рулем Арчибальд чувствовал себя словно в другой эпохе, наслаждаясь остатками былой роскоши. Настоящий британский люкс: шикарно, но без вычурности, спортивно, но без грубости, утонченно, но без изнеженности. Такая машина в его вкусе.

Он немного прибавил газ, минуя набережную Рапе, затем мост Берси, потом свернул на Окружную. Несмотря на статус раритета и возраст, автомобиль неплохо держался на дороге.

Арчибальд справедливо полагал, что машина – тоже произведение искусства, поэтому выбирал всегда только уникальные экземпляры. У этой была своя особенная история. Она «снималась» в первых фильмах о Джеймсе Бонде: «Шаровая молния» и «Голдфингер». Ее делали в старые добрые времена, когда при съемках фильма не злоупотребляли компьютерными спецэффектами. Болид сохранил арсенал положенных по сценарию оригинальных устройств, причем все были отлажены и работали, о чем позаботились коллекционеры, в чьих руках она побывала: пулемет, замаскированный в габаритных фарах, сменные номерные знаки спереди и сзади, синхронно переворачивающиеся по сигналу кнопки с панели управления, система выброса дымовой завесы, бронированное лобовое стекло, специальные приспособления, позволяющие вылить на шоссе масло или рассыпать гвозди, чтобы оторваться от слишком настойчивых преследователей.

Два года назад на аукционе, широко разрекламированном в прессе как аукцион века, этот автомобиль продали за два с лишним миллиона долларов одному шотландскому бизнесмену, пожелавшему остаться неизвестным.

– Мартен Бомон! – в изумлении воскликнула Карина Аньели, стоило ей приблизиться к утопленнику.

Диас и Капелла, офицеры бригады спасателей, втащили Мартена на борт катера и протянули ему одеяло.

– Чем ты занимаешься ночью в Сене? Учишься плавать на доске? Зачем ты вцепился в эту картину? – спросила Карина, когда офицеры помогли и ей забраться на борт спасательного судна.

Стуча зубами от холода, сыщик завернулся в одеяло и прищурился, чтобы рассмотреть ту, голос которой ему показался знакомым.

Коротко подстриженные светлые волосы, веснушки на носу и щеках, стройная и изящная, Карина Аньели ничуть не изменилась. Она всегда была высокой, спортивной, энергичной, с отличным чувством юмора. Короче, его противоположность. Два года они работали вместе в отделе по борьбе с наркотиками. Тогда она была его напарником, они часто выполняли задания по внедрению. В те времена их жизнь ограничивалась работой на участке. Так уж получилось, что эта работа с утра до ночи и их сердечные дела переплелись воедино. Замечательное было время, но и мучительное. Играть роль внедренного агента не так просто, как кажется. Порой открываешь в себе такие черты характера, о каких предпочел бы не догадываться, видишь такое, о чем лучше не знать, посещаешь злчные места, откуда редко возвращаешься невредимым. Чтобы не сгинуть, не потонуть в море человеческих пороков, они закрутили роман. Но вряд ли это была любовь, скорее они просто привязались друг к другу. Их связь приносила им искреннюю радость, но так ничем и не завершилась.

На мгновение воспоминания всплыли в их памяти. Тот роман оставил в душе каждого и сладкие воспоминания, и горькие, даже болезненные. Как наркотик.

На лицо Мартена падал свет фонарей. Карина смотрела, как с его мокрых волос вода стекает на трехдневную щетину. Ей показалось, что с тех пор, как они не виделись, он похудел и осунулся, хотя в чем-то его лицо сохранило детские черты.

Почувствовав на себе ее взгляд, Мартен усмехнулся и сказал:

– Слушай, а в этом комбинезончике ты чертовски сексуальна. Ты знаешь об этом?

Вместо ответа она протянула ему салфетку, чтобы он вытер лицо. Он взял, но стал бережно промокать ею портрет Ван Гога.

Карина казалось прекрасной, как сирена, и словно светилась изнутри. Как и Мартен, она давно ушла из отдела по борьбе с наркотиками и теперь занималась менее деструктивной работой. Все считают, что патрульные Речного порта скорее спасатели, чем настоящие полицейские, и поэтому относятся к ним с большим уважением.

– Что это за картина? Оригинал? – спросила она, садясь на скамью рядом с Мартеном. Плавно раскачиваясь, будто прогулочный катер, патруль миновал остров Святого Людовика и собирался причалить к порту Сен-Бернар. Мартен улыбнулся:

– Арчибальд Маклейн, ты о таком слышала?

– Похититель картин? Разумеется.

– Сегодня ночью я держал его на мушке.

– Это он толкнул тебя в воду?

– Можно сказать и так.

– Странно...

– Что именно?

– Тот тип, что позвонил в службу спасения и сообщил о том, что ты тонешь, сказал, что его зовут Арчибальд.

Строгий корпус без всяких излишеств, чистые линии, безупречный ход – «Астон Мартин» рассекал ночь на полной скорости. Арчибальд вдыхал приятный запах дерева ценных пород и чистошерстяного покрытия салона, сидя за рулем автомобиля и наслаждаясь ездой. Рядом с ним на пассажирском сиденье, обтянутом потертой кожей, лежала сумка с эмблемой Королевских воздушных сил Великобритании, которую он сохранил со времен военной службы.

Только что на Новом мосту, во время встречи с молодым сыщиком, он испытал сильное волнение, такой мощный всплеск адреналина, который сам не мог объяснить. Полицейский вел себя решительно и был, судя по всему, не робкого десятка, но Маклейна поразила спрятанная за этой маской трогательная незащищенность, печальный, сиротливый взгляд ребенка, которому многое в жизни придется изведать. Свернув на знаменитую солнечную автомагистраль, Арчибальд врубил на полную мощность все шесть цилиндров, выпустив на волю двести восемьдесят лошадиных сил. Он любил скорость, ему нравилось чувствовать себя в потоке жизни.

Как только катер причалил к пристани в порту Сен-Бернар, Карина и Мартен в один прыжок очутились на берегу.

– Отвези меня в музей Орсэ, – попросил он.

– Переоденься, ты же весь промок. Капелла подберет тебе шмотки по размеру, а я пока подгоню машину.

Мартен проследовал за лейтенантом в длинный ангар, расположенный по берегу реки. Выйдя оттуда, он чувствовал себя нелепо в одежде по моде 80-х годов, которую ему подыскал полицейский. Новый наряд больше смахивал на маскарадный костюм, чем на военную форму: небесно-голубая футболка с отложным воротничком, синие брюки из болоньи, широкая ветровка.

Рядом с ним остановился пикап «Лэндровер», оборудованный лебедкой на специальной платформе для подъема грузов.

– Садись, – пригласила Карина, открывая дверцу. – Знаешь, а тебе идет...

– Оставь свои комментарии, очень прошу.

Пикап сорвался с места, взвизгнув шинами по асфальту.

Движение по улицам Парижа в этот предрассветный час можно было назвать вялым везде, кроме улиц вокруг музея Орсэ. К нему подобраться оказалось непросто. На площади Анри де Монтерлан стояли полицейские фургоны, легковые машины с проблесковыми маячками, представительские машины из министерства и выдавшие виды авто журналистов.

– Ладно, иди, твой выход, герой! – сострила Карина, останавливаясь напротив главного входа.

Мартен поблагодарил ее за дружескую услугу и хотел выйти из машины, но она остановила его:

– Смотри-ка, ты все еще носишь эти часы. – Карина показала на «Спидмастер» в серебряном корпусе, которые подарила ему пять лет назад.

– А ты – кольцо, – заметил он.

Она небрежно постукивала пальцами по рулю – на ее правой руке в первых лучах зари поблескивали три переплетенных кольца: из белого, розового и желтого золота. Такой фасон назывался «Тринити». Подарки, которыми они обменялись когда-то, явно не соответствовали скромной зарплате полицейских. Тогда даже премии не хватило, пришлось добавить, чтобы позволить себе подобную роскошь. Но ни тот, ни другая никогда не пожалели об этом. У обоих на мгновение мелькнула мысль, что их роман, вероятно, еще не окончен. Жизнь сталкивает вновь при странных обстоятельствах – может, это знак свыше?

Мартен решительно открыл дверцу и вышел, забрав с собой автопортрет. Перейдя улицу, он все-таки оглянулся на «Лэндровер», Карина послала ему воздушный поцелуй и улыбнулась:

– Не ищи лишних приключений на свою задницу, Мартен! И научись плавать, я не смогу тебя спасти всякий раз!

– Бездари и лентяи, вот вы кто!

Подходя к залу Ван Гога, Мартен сразу узнал визгливый голос министра внутренних дел. Он остановился на пороге. Ругательства и оскорбления сотрясали воздух, а когда министр прерывалась, чтобы набрать в легкие воздуха, было слышно, как мухи летают под потолком.

– Халтурщики, ничтожества, сборище шарлатанов...

Мартен заметил знакомый силуэт своего шефа, полковника Луазо, а также искаженное гримасой лицо начальника полиции, с которым сталкивался, работая на набережной Орфевр. Справа от них понуро стоял Шарль Ривьер, генеральный директор и президент музея Орсэ.

– ...банда беспомощных недоумков!

Все трое были подавлены, никто не смел слова сказать в свою защиту. Каждый, прежде чем получить свою должность, прошел хорошую школу в низших чинах, когда начальники «снимали стружку» с подчиненных, поэтому предпочитали сносить оскорбления, не вступая в полемику.

– Идите отсюда! Да поживее... И найдите этот чертов...

– Этот чертов портрет уже здесь, мадам, – произнес Мартен, сделав шаг вперед и выйдя из тени.

Присутствующие обернулись в его сторону. Стоя в дверном проеме, он держал автопортрет Ван Гога на вытянутых руках, как недавно Маклейн на Новом мосту.

Министр растерялась. Молча, нахмурившись, она разглядывала его с ног до головы, потом отрывисто спросила:

– Вы кто?

– Капитан Мартен Бомон из отдела по борьбе с нелегальным вывозом культурных ценностей.

Первым опомнился Шарль Ривьер. Он бросился к нему и выхватил драгоценное полотно у него из рук. Решив играть в открытую, Мартен рассказал в подробностях о том, как ему удалось вычислить, по какому принципу грабитель выбирает очередную картину, что, в свою очередь, привело его к мысли о том, где организовать слежку и наружное наблюдение в надежде поймать его на месте преступления. Сыщик был хоть и молод, но не настолько наивен, чтобы ожидать поздравлений: хотя ему и не удалось задержать преступника, зато Арчибальд в первый раз ушел с места ограбления ни с чем.

Закончив рассказ, Мартен замолчал, ожидая реакции. Она не последовала, поскольку все напряженно выжидали, что скажет министр. Она посмотрела на Луазо, а тот, видимо, чтобы

вернуть себе уверенность, не нашел ничего лучше, как выместить накопившуюся злость на подчиненном:

– Мы могли бы задержать Маклейна на месте, если бы вы вовремя нас предупредили, Бомон! Так нет же! Предпочли действовать в одиночку! Это ваше обычное пренебрежение к коллегам!

– Но если бы не я, он бы украл картину! – возразил Мартен.

– А вы упустили преступника! Не надейтесь, что вам это сойдет с рук!

Министр подняла руку и бросила на Луазо испепеляющий взгляд, который положил конец его бесконечным упрекам. Внутренние разборки управления ее не интересовали. Теперь она думала о том, как обернуть ситуацию на пользу дела. Следовало представить молодого полицейского журналистам как героя дня. Французская полиция отыскала картину в рекордно короткие сроки! Вот об этом и надо говорить в первую очередь, а вовсе не о том, что он нарушил правила субординации. И никто никого не обманывает. Просто не следует обнажать всей правды до конца. Собственно, это и есть политика. К тому же язык у молодого человека неплохо подвешен. Пресса будет от него в восторге. Задержание Маклейна хоть и не состоялось, однако получился неплохой пиар и для полиции, и для нее самой. Если все пройдет нормально, она могла бы даже сфотографироваться для обложки «Пари Матч» в обтягивающих джинсах, с Ван Гогом в руках и с полицейскими на заднем фоне. Неплохо бы смотрелось!

Радужные мысли рассеялись как дым, когда директор музея с удрученным видом сделал шокирующее заявление:

– Простите, Бомон, но вы допустили оплошность.

– Что такое? – насторожился тот.

– Это не подлинник, а подделка, правда, в очень хорошем исполнении.

– Нет! Я видел, как он вынул ее из сумки, я не спускал с него глаз!

– Посмотрите сами, если не верите: подпись.

– Подпись?

Известно, что Ван Гог не подписал ни один из своих автопортретов. Мартен склонился к картине, поставленной в зале на треножник. Художник вообще редко ставил свою подпись на картинах, примерно на одной из семи. Но даже если он их и подписывал, как, например, «Подсолнухи», то ставил только имя. На картине, стоявшей посреди зала, отсутствовали маленькие, оторванные друг от друга буквы его имени Винсент. Автопортрет был подписан смешными буквами с закорючками, явно с целью поиздеваться, и другим именем: Арчибальд.

«Астон Мартин» сошел с магистрали, повернул в сторону Фонтенбло и свернул на дорогу, ведущую в Барбизон. Арчибальд посмотрел на часы и не смог сдержать довольной улыбки, представив выражение лица молодого сыщика, когда он заметил подмену. Очень осторожно, одной рукой приоткрыв холщовую сумку на пассажирском сиденье, он положил ее так, чтобы видеть лицо на картине, на сей раз подлинной, и продолжил воображаемый диалог с художником: «Ну как, Винсент, кажется, наша с тобой шутка удалась? Что скажешь?» В измученных глазах художника отражался мерцающий свет проносящихся мимо фонарей.

С похищенными шедеврами у Арчибальда складывались непростые отношения. Он никогда не чувствовал себя их полноценным собственником, скорее это они им владели. Наверное, он никогда не сумел бы признать данный факт, но отрицать, что кража стала для него своего рода наркотиком, тоже не мог. Зависимость выражалось в том, что с регулярными интервалами в его душе возникало смятение, потребность опять испытать опасность. Ум и тело требовали очередного приключения, он разрабатывал план, изобретая хитроумные способы, и готовил новое дело.

Маклейн включил авторадיו. На волне классической музыки передавали запись Глена Гульда: «Гольдберг-вариации» Баха. Он заставил себя сбавить скорость, не хотел торопиться и

лишать себя чудесных минут наслаждения. Прогулка под луной в компании Ван Гога и Баха – что может быть лучше?! Чтобы в полной мере получить удовольствие, достал из внутреннего кармана плаща серебряную флягу с шотландским виски сорокалетней выдержки.

– За твоё здоровье, Винсент! – провозгласил Маклейн, отхлебнув медно-красного напитка. Жидкость медленно растекалась по телу, воспламеняя внутренности нежным огнем. Во рту смешивались вкус жареного миндаля, горького шоколада, душистого кардамона...

Свернув с широкой трассы на узкую проселочную дорогу, он сосредоточился на вождении, чтобы не пропустить поворот. Через несколько километров, на границе между лесным массивом Малешерб и Фонтенбло, достиг частного владения, обнесенного высокой оградой. Не вылезая из машины, Маклейн нажал кнопку на пульте управления, и створки автоматических ворот медленно расползлись, пропуская автомобиль во внутренний парк, а потом сомкнулись за ним. Аллея вела к прекрасному каменному зданию начала XIX века, увитого плющом до самой крыши, окруженному столетними каштанами. Все окна были закрыты ставнями, но место не казалось заброшенным: аккуратно подстриженная травка на газоне, ухоженная живая изгородь. В здание бывшего манежа с конюшнями, переоборудованного в просторный ангар, он поставил свой «Астон Мартин». Там уже располагались внедорожник, старенький армейский джип, довоенный мотоцикл с коляской. Был также «Бугатти», точнее, его корпус, и многочисленные детали и разные винтики, лежавшие на полках. Но самое большое пространство занимал последний крик моды – вертолет марки «Колибри», раскрашенный в черный цвет и бордо. Арчибальд осмотрел машину, проверил карбюратор, уровень масла в двигателе, с помощью транспортера вывез вертолет из ангара. Забравшись в кабину, надел шлем, завел двигатель, запустил винт, стал постепенно прибавлять газу. Потом он развернул машину против ветра и ждал удобного момента, чтобы поднять ее в воздух.

– Пошире открой глаза, Винсент! Уверен, тебе понравится смотреть на мир сверху!

6–

Париж просыпается

*У башии Эйфелевой все четыре ноги от холода
сводит,
Триумфальная арка после бессонной ночи
понемногу в себя приходит,
Час настал, и людям уже пора просыпаться.
Час настал, а мне надо спать отправляться.
Уже пять утра.
Проснись, Париж, пора!
Уже пять утра,
Только мне не до сна.*

Музыка Жака Дютронка. Слова Жака Ланцмана и Анны Сегален

Набережная Анатоля Франса

5 часов 02 минута

– Черт! Это же моя машина!

Выходя из музея, Мартен был неприятно удивлен, увидев, как эвакуатор забирает его старенькую «Ауди» на штрафную стоянку. Рядом стоял полицейский и составлял протокол.

– Что вам надо? Чем вы тут занимаетесь? – крикнул Мартен.

– Сожалею, мсье, но вы оставили машину прямо на автобусной остановке, и мы уже приступили к эвакуации.

– Я сам полицейский! Всю ночь провел здесь на дежурстве в своем автомобиле, я выслеживал преступника!

– Это транспортное средство не зарегистрировано в базе национальной полиции, – заметил полицейский. – Мы бы узнали об этом, когда проверяли принадлежность по номерному знаку.

– Ну хорошо. Теперь я здесь, верните мне мою тачку.

– Если вы полицейский, то знаете процедуру: чтобы остановить эвакуацию, вам необходимо уплатить штраф, а также расходы, связанные с подъемом машины с незаконного места стоянки.

Мартен посмотрел на свою старушку 98-го года выпуска. Зажатая в железных когтях эвакуатора, покачиваясь над землей, она соответствовала своему почтенному возрасту и даже больше: дверца с вмятиной, кузов с многочисленными царапинами... В основном это шрамы, оставшиеся с тех пор, когда он работал в отделе по борьбе с наркотиками. Несмотря на инструкции, Мартен предпочитал пользоваться собственной машиной в служебных целях, а не паршивым полицейским «Ситроеном», как предписывалось правилами. На багажнике сзади виднелись следы от пуль – память о том, как однажды при задержании дилера они столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Наверное, пора сменить машину. Нет, он не возражал, просто денег было мало, на зарплату полицейского не разгуляешься.

– Ладно, я заплачу, – вздохнул Мартен.

Он засунул руку в карман ветровки и сообразил, что свой бумажник забыл в мокрой куртке, переодевшись в сухую одежду в ангаре службы спасения на воде.

Еще раз тяжело вздохнув, Мартен безропотно взял протокол с описанием состояния машины, протянутый ему полицейским, развернулся и пошел, не оборачиваясь, чтобы не видеть, как ее увозят.

Вывернув карманы, он не обнаружил ни единой монеты, – значит, ни взять такси, ни оплатить билет на метро. Ну и ладно! Пусть так. Может, и неплохо прогуляться по Парижу ранним утром.

Бывают же такие дни...

«Колибри» кружил над нормандской деревушкой.

Просторная кабина вертолета обеспечивала не только комфорт пилоту, но и прекрасную видимость во время полета. К тому же хвостовой винт с обтекателем делал полет практически бесшумным.

Арчибальд включил автопилот и отхлебнул виски. Он даже прикрыл глаза, чтобы в полной мере испытать приятные ощущения от действия волшебного напитка. Конечно, неразумно так поступать, но много ли на свете вещей, которые приносят ему удовольствие?

Примерно через час полета он уже наблюдал прямо под собой шпиль Мон-Сен-Мишель, потом Сен-Мало, затем залив Сен-Бриак. Арчибальд погрузился в созерцание очаровательных северных пейзажей Финистера: затерявшиеся среди суровых скал песчаные пляжи, рыбацкие бухточки. Вскоре он различил городок Роскоф и, недалеко от него, в открытом море, остров Батц. Навигатор подал сигнал, что через три минуты он окажется в конечной точке маршрута. Арчибальд отключил автопилот, развернул вертолет навстречу западному ветру и совершил мягкую посадку на поляну в парке, примыкающем к одному из уютных особняков на острове. Расположенный на утесе парк спускался к воде. Посадочная площадка с двумя сигнальными кольцами располагалась на понтоне, там же был обустроен элинг и ангар.

Но Арчибальд пробыл на бретонской земле всего пару минут, успев заполнить горячим баки и вдохнуть полной грудью живой морской воздух с сильным привкусом йода. Вскоре он поднялся в кабину, завел мотор и взял курс на Шотландию.

Мартен шел по бульвару Распай, от усталости еле передвигая ноги. Ночь выдалась длинной и насыщенной разными событиями, как неожиданно приятными, так и удручающими. Он-то считал себя опытным детективом, а на деле оказалось, что гроша ломаного не стоит. Маклейн играл с ним как кошка с мышкой и, наверное, повеселился на славу. В итоге он попался в расставленные преступником сети. Как он мог рассчитывать на то, что разгадает все его хитрости в одиночку? Опрометчиво считая себя умнее коллег, недооценил преступника: старик не просто хитер, а талантлив. Не побоялся пойти на риск, блефовать, как игрок в покер. Что оставалось делать молодому полицейскому? Признать свое поражение: потрясающая дерзость и интеллект грабителя не могли не вызвать восхищения.

Мартен пересек площадь Ле Корбюзье и прошел мимо отеля «Лютеция». Фасад дворца Сен-Жермен-де-Пре в стиле арт-деко переливался синим неоновым светом в голубой предрассветной мгле. На красной дорожке перед парадным входом швейцар и водитель в ожидании богатых клиентов обсуждали последнюю модель «Ламборджини» и немецкий седан класса люкс с тонированными стеклами. На фоне роскошной обстановки грустные мысли пришли в голову Мартена: на свое жалкое жалованье полицейского он не мог позволить себе купить новую машину, не сумел даже схватить за хвост удачу, как только представился случай.

Перекресток Вавэн, бульвар Монпарнас, а вот и величественный Бальзак в исполнении Родена, облаченный в монашескую сутану. Пространство вокруг принимало странные, фантастические очертания. Бомон размышлял о своем профессиональном будущем после провала ночной затеи. Скорее всего, его не уволят, но в ближайшие полгода ждут тяжелые времена. Луазо отстранит его от участия в операциях, сошлет куда-нибудь в Министерство культуры советником по охране памятников культуры.

Четырнадцатый округ, здание Фонда Картье в авангардистском стиле. Фасад из стекла, совершенно прозрачный, за стеклами – огромный внутренний сад, где тысячи растений буйно

цветут на виду у прохожих в любое время года. Но в это утро у Мартена не было настроения любоваться экзотической флорой. Он вспоминал встречу с Маклейном. Мельчайшие детали, жест, взгляд, изменение интонации голоса, пытаясь понять, где была игра, а где скрывалась правда. Только так можно было бы найти объяснение. Мартен вспоминал об уверенности, которая исходила от него. Арчибальд оказался совсем не таким, каким он его представлял. За три минуты противостояния на мосту Мартен выяснил о преступнике больше, чем за предыдущие четыре года расследования. Теперь он знал его возраст и внешность. Появилась уверенность, что во всех его ограблениях имелся также и скрытый смысл. Деньги не являлись главной причиной, толкавшей Маклейна на преступление, было что-то еще, очень личное, тайное.

На площади Данфер-Рошро движение становилось более интенсивным. Слева, рядом с павильоном, японские туристы стояли в очереди в катакомбы, чтобы ужаснуться, разглядывая останки древних парижан, похороненных на кладбище Безгрешных, на месте которого теперь разбит сквер.

Мартен подавил зевок. Хотелось выпить кофе, выкурить сигарету и принять душ. После вынужденного купания в Сене у него начался насморк, и вдобавок ему повсюду мерещился неприятный запах сырости и плесени.

Проспект Рей. Он различил впереди очертания самого большого резервуара с запасами питьевой воды в городе – водохранилища Монсури, замаскированного под невысокий холм с откосами, покрытыми зеленой травкой. Здесь вообще было много зелени, пейзаж напоминал сельскую местность, но камеры наружного наблюдения служили надежной защитой, все-таки резервуар снабжал водой, собираемой из рек на юго-востоке Парижа, значительную часть кварталов столицы.

Проходя через сквер Монсури, Мартен постарался прогнать от себя навязчивый облик Арчибальда. Милое личико Карины, бывшей напарницы, постепенно вырисовывалось в памяти. Он, конечно, перед ней изображал героя, но смутился, увидев ее. Воспоминания о милой улыбке и веселых глазах с хитринкой были хоть и томительны, но грели душу. Вызывали отклик в его сердце, с детства скованном одиночеством. Ох уж это одиночество! Мартен искал в нем защиту от мира, но оно же и губило его.

Вертолет пролетал над северной частью Ирландского моря, приближаясь к берегам Шотландии. Попутный юго-западный ветер помог «Колибри» преодолеть семьсот километров, но его баки почти опустели. С высоты Арчибальд заметил в море огромную трехпалубную яхту, длиной метров в пятьдесят, под флагом Каймановых островов.

Она называлась «Коач-5000», была способна пересечь Атлантику за десять дней, развивая скорость до тридцати узлов в час, и несла на борту до семидесяти тысяч литров топлива. Арчибальд относился к этому практичному, но и вполне комфортабельному судну как к тайному убежищу. Настоящая крепость, но с модным авангардным силуэтом, совершенная с технической стороны, в любую погоду и в любых широтах, в любых морях, могла противостоять штормам и прочим неожиданным неприятностям.

Он совершил мягкую посадку на широкую платформу, приспособленную под вертолетную площадку на верхней палубе. Снял шлем, прихватил сумку и выпрыгнул из кабины. Дул порывистый ветер, но небо было ясное, ни единого облачка. Солнце сияло так, что слепило глаза. Четверо из экипажа, бывшие сотрудники навигационной службы, приветствовали хозяина, о котором, кстати, ничего не знали, кроме имени. Он перекинулся с ними парой слов и спустился по мостику на нижнюю палубу.

– Привет, Эффи!

– Привет, Арчи!

Волосы собраны в высокий пучок, строгий профиль, хорошие манеры – такой была Эфания Воллес, воплощение домоправительницы в самых лучших английских традициях. Вот уже

десять лет она, бывший врач на службе МИ-6, была верным другом и помощником Маклейна, выполняя разнообразные функции – экономка, телохранитель, доверенное лицо. Главное, она помогала своему работодателю не потерять самоидентичность, она единственная знала, кто он. Вот что значит старая школа: звание чемпиона по стрельбе и красный пояс по тэквондо помогали ей отлично справляться со своими обязанностями, и по характеру она была ближе к телохранителю, чем к Мэри Поппинс.

– Как все прошло?

– Без проблем.

В шикарный салон, оформленный в стиле минимализма, вела стеклянная дверь: хрустальные светильники, паркет из акажу, покрытый белым лаком, кожаная обивка диванов и элегантная мебель. Окна, расположенные по кругу, пропускали солнце, заливая салон светом и создавая впечатление, будто человек находится под открытым небом.

Арчибальд достал полотно из сумки и показал Эффи. Она замерла, рассматривая автопортрет с искренним восхищением.

– А что тот молодой полицейский? – спросила Эффи.

– Преследовал меня, как я и предполагал. Ты волновалась?

– Я перечитала его досье. Мне показалось, будто он непредсказуем. Береги себя, ты очень рискуешь.

– Игра стоила свеч, разве нет? – произнес Маклейн, указывая на картину. – И потом, мы же идентифицировали полицейских, гонявшихся за мной. Я следил за ними, знаю о них все, по крайней мере гораздо больше, чем они обо мне.

– Да, но этот – какой-то особенный.

– Нет! Такой же, как другие.

– Но он единственный, кто догадался сопоставить даты смерти, – возразила Эффи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.